

Муса Мураталиев

КОНСПЕКТ ДЛЯ СЫНА

(Отрывок из романа СКАЗИТЕЛЬ МАНАСА)

Аннотация: На заре крушения советской империи литератор Бек Мурза поймал себя на том, что его друзья, да и сам он, становятся... националистами. У них много времени уходит на восстановление прошлого своего народа. Бек впервые почувствует себя человеком без корней, и теперь, живя в мегаполисе, рассказывает при каждом удобном случае о былом величии своих предков, вспоминает эпос «Манас».

1

- Нужно ли ставить на стол боорсокиⁱ, он ведь американец? – спросила Соня, заглянув в ванную. – Наверняка не ест он их!

- Накорми его ножками Бушаⁱⁱ! – посмеиваясь, ответил жене Бек Мурза. – Своя пища ему понравится. Или хот-догами! Скажешь, по-московски!

- Я тебе всерьез, а ты шутишь, - сказала она и ушла в гостиную.

Старый «Тайфун» издавал однообразный гул, всасывая пыль в умелых руках. Соня затеяла спозаранку уборку, хотя в будний день семья Мурзы такими делами не занималась.

- Круглый стол придвинем под люстру... - предложила Соня, сквозь вой пылесоса. – Их двое, нас четверо. Места будет достаточно.

- Недостаточно! – возразил Бек. – Он один усядется за этим столом.

- За ним обычно восемь человек умещается...

- Да он, как скала! Настоящий американец! Громадный.

Соня выдернула шнур из сети. Стало тихо, будто супругам кто-то заткнул уши.

- С этого надо было начать, - упрекнула Соня мужа. – Живо присоединяйтесь. Ты, Бек, составишь меню, чтобы после меня не упрекать, что вышло, не так хлебосольно, что не по-киргизски. Мы с дочкой займемся уборкой, переставим кое-какую мебель из большой комнаты в детскую. А ты тоже найди себе работу, - указала она сыну.

- Эх, американскую реальность бы мне... - тихо бормотал Бек Мурза себе под нос. – Америка, Америка! Неизведанная планета. Мне бы ее на зуб попробовать. Вот тебе навстречу плывет кто-то, но кто он? Акула или семга? Другое дело русак. Я с ним пуд соли съел, море солончака прошагал, медные трубы, да и еще много чего прошел бок о бок... Известно, что американская и западноевропейская культурные революции свершились благодаря достатку граждан. Люди там вежливы, потому что они довольны

жизнью. У них есть главное – свобода и безопасность. Немудрено, что у американцев появилась крылатая фраза: «Живи сам и дай жить другим».

- Что ты там бубнишь, пап? – спросил Бека сын.

- Я говорю, что в цивилизованном мире нельзя быть грубым, необразованным и пассивным, - ответил Бек сыну и продолжил свою мысль. – Но и агрессивным быть нельзя! Людей с таким норовом цивилизованный мир отвергает.

- Тем не менее, они существуют, - парировал сын.

- Скажу тебе больше, - ответил отец. – В далёком от цивилизации мире агрессия – главное оружие, основной способ самозащиты, то есть способ выживания. В такой среде распространена мстительность, а имидж человека - важнее его внутреннего мира. Там каждый, кто хочет занять главенствующие позиции, борется за свой имидж. В такой среде ущемление прав ближнего, унижение его не является позором. Каждый, кто сильнее других, пользуется своими преимуществами, творя произвол над всеми слабыми.

Днем раньше Бек у выхода со станции метро «Печатники», прощаясь, пригласил Чарльза Стивенсона к себе в гости. С тех пор у Сони была лишь одна забота - как с честью принять заморского профессора.

После лекции, которую прочитал американский ученый в стенах Гуманитарного Университета, он вместе с Беком шел в сторону метро. Лекция была посвящена семантике тюркских наречий, и Бек Мурза, как носитель одного из тюркских языков, с интересом прослушал известного лингвиста.

В Москву уже пришел март, но зима еще не покинула столицу. Отопительная система не давала желаемого тепла квартире Бека, оттого в комнатах детей днем и ночью работали обогреватели. Сам он с утра надевал шерстяные носки.

На выходе с «Новослободской» только что познакомившихся коллег-лингвистов встретил обильный снегопад. Снег огромными ватными хлопьями извергался на мостовую из темного московского неба. Они оседали на бровях, застревали в ресницах, причиняя пешеходам неудобство.

Профессор Стивенсон по-русски говорил неважно, также как и Мурза по-английски. Общались они через переводчицу Адию Садык, приехавшую из Казани, чтобы помочь профессору во время его пребывания в Москве.

До кампуса Гуманитарного Университета идти было еще порядочно. Пока шли, разговаривали обо всем. Оказалось, что Стивенсон из штата Юта, родились они в один год.

- А снег в Юте такой же липучий, как и в Москве? – спросил Бек.

- Снег у нас желанный гость.

- Стало быть, у вас этого добра полно?

- Нет, наоборот, он редко бывает, - ответил Чарльз.

- Кстати, а в каком городе вы живете?

- Я представляю Солт-Лейк-Сити, потому как там родился. У нас засушливый климат. Но я живу, можно сказать, там и не там. В Сиэтле, Праге, Мюнхене, а потом перелетаю и живу в Ташкенте. В Казани, Барнауле, Уфе, Анкаре или в Будапеште...

- В чем причина, если не секрет, вашего кочевого образа жизни?

- Манит меня, прежде всего, живое общение с носителями тюркских языков. Я родился в семье мелкого промышленника. Дед мой по материнской линии служил, в период Гражданской войны, воевал на стороне союзников. Он был патриотом штата Иллинойс, хотя они уехали оттуда еще в 1846 году... - профессор Стивенсон, кашлянув в кулак, продолжил. – С той войны у деда сохранилась фотография, где он снят вместе с Авраамом Линкольном. Отец имел небольшой солеваренный завод, однако модернизация промышленности и сельского хозяйства, которая шла в штате после Второй мировой войны, обанкротила его.

- А как вы стали тюркологом?
- Да, это интересный вопрос, - улыбнулся профессор и посмотрел на Адию, потом на Бека. – Мы все здесь турки... я бы так сказал. Отвечаю на ваш вопрос. Отец хотел, чтобы я стал юристом или финансистом, но я решил осваивать восточные языки. Поступил на факультет финно-угорских и тюркских языков.
- В Солт-Лейк-Сити?
- Нет, я окончил Университет штата Индиана, там же после защитил диссертацию по семантике языков алтайской группы.
- Я учился во Фрунзе на журналиста, потом в Москве - на переводчика, - поддержал разговор Бек, и добавил: - Правда, когда мы проходили в Институте английский, он казался нам не нужным.
- Неужели?.. – не поверил Чарльз, отмахивая от лица идущий стеной снег, будто гоняя мух. – Почему?
- А мы обзывали тех, кто учил английский, «горячей картошкой». Они произносили слова, будто катали во рту горячую картошку. Вот мы и потешились над ними.
- Тут, вдруг вклинившись в разговор, переводчица стала сокрушаться:
- Вот, дураки!
- Бек Мурза не отреагировал на ее реплику, а вместе этого спросил Стивенсона:
- У вас есть семья?
- О, да. Я был дважды женат, - ответил он. – У меня трое сыновей в общей сложности. Двое из них имеют свои семьи. Как отец, я горд, что они у меня самостоятельные. У старшего сына, которого зовут так же, как и меня, Чарльз, дела идут очень бодро. Он зарабатывает больше, чем я! И уже имеет семеро детей!
- Да-а? А когда же он успел их,... родить столько?
- Четверо из них приемные, - ответил Чарльз с довольной улыбкой на лице. – Один мулат, другой азиат, а двое чернокожих пареньков.

Спустя несколько минут свежий снег лежал вокруг сплошным белым ковром. Гость столицы встретил это обстоятельство с восторгом. После разговор перешел на положение в странах СНГ.

- В России до недавнего времени не так остро стояли проблемы национальных меньшинств, - сказал Бек Мурза, как можно медленнее, чтобы его успела переложить Адия на английский язык. – Нынешнее же положение дел в этой области сильно тревожит меня.

- Я понимаю, - неуверенно ответил профессор по-русски, сомневаясь, похоже, правильно ли он построил предложение.

- Есть в связи с этим у меня заветная мечта - открыть в Москве курсы английского языка для детей представителей национальных меньшинств и малообеспеченных семей.

- Это хорошо! - ответил профессор Стивенсон, скорее по инерции, нежели с пониманием сказанного. А после обратился к Адие:

- Помогите нам, пожалуйста.

Переводчица из Казани шла, чуть опережая беседовавших мужчин. Ее каракулевая шуба была белой от снегопада.

- Что сказано? Что? – повторил Чарльз, обращаясь к ней.

В нескольких словах она перевела фразу Бека, и тогда профессор обратился к собеседнику:

- Почему именно английский?

- У русских есть такая шутка, - начал Бек Мурза сходу. Адия, переводила слово в слово. – Решили страны СНГ найти человека, который объяснил бы им, как жить после развала Союза. Помучались, но нашли такого мудреца. На вопрос «Как дальше жить?», он ответил им так: «Оптимисты пусть изучают английский язык, пессимисты – китайский, а реалисты пусть покупают Калашникова».

Услышав перевод, американец разразился смехом. За ним засмеялась и переводчица Адия.

По пути к Гуманитарному Университету в мозгу у Бека всплыло открытие Вильгельма Томсена. В один из снежных вечеров 1893 года в далеком Копенгагене будущий всемирно известный лингвист Вильгельм Томсен завершил дешифровку древней киргизской клинописи, более известной, как орхоно-енисейская письменность. Доклад на президиуме Датского королевского научного общества стал отправной точкой его научного взлета.

- Подозреваю, вы знакомы с клинописью древних киргизов? - сказал Бек Мурза. – Изучают ли труды Томсена в американских университетах?

- О, да. У нас труды Томсена хорошо известны, - ответил профессор Стивенсон. – Я, кстати, выпускник Университета штата Индианы. Окончил отделение тюркских языков.

- Мы изучаем английский, вы – тюркский... так кто вы, оптимист или?..

- Но, но!.. - перебил Бека, от души смеясь, американский профессор. – Ми, ми реалисты...

- Раз вы увлеклись изучением тюркских наречий, подозреваю, что среди ваших предков встречаются тюрки?

- Но, но! Мои прадеды были выходцами из Шотландии, а материнская линия уходит в скандинавские страны, - ответил американец. - Сейчас Стивенсонов в Америке довольно много, однако не с каждым мы поддерживаем отношения. У меня трое сыновей, от двух жён, один уже осчастливил меня внуками.

- Вы католик?

- Но! Я придерживаюсь религии «Святых последнего дня».

- А, так вы мормон!

- Да, в просторечии так называют нас.

За столом пили «White Horse», шотландское виски. Беку вспомнился конец 60-ых годов, и он рассказал, как в студенческие годы впервые с друзьями попробовал виски. Советские студенты глушили шотландский алкоголь из граненых стаканов. От дегустации они остались не в восторге.

- Виски пить... с тоник... - сказал Чарльз Стивенсон.

- В Советском Союзе виски тогда только-только начали продавать, а для тоника разрешения еще не было, - ответил Бек Мурза.

Большой Чарльз, произнес несколько слов, непонятных для слуха семьи Мурзы, которые перевела Адия: «Как можно дать человеку иголку без нитки и при этом еще просить шить?»

Гостиную комнату Мурзы огласил дружный смех.

2

Чарльз Стивенсон провел в доме Бека около двух часов. Заморский гость был неприхотлив как в общении, так и в еде: попробовал и боорсоки, и каймак, и кумыс. Отказался только от красной икры, сославшись на аллергию.

Американский профессор сидел на тёре – особо почетном месте в киргизском застолье. Гостиная обставлена была, стараниями Сони, в восточном стиле. В шкафу из темного дерева стоял китайский фарфоровый сервиз, на стенах друг напротив друга висели шесть картин неизвестных для Чарльза советских художников. Большой круглый стол тоже был накрыт на восточный манер. Только кофеварка да телевизор смотрелись чужаками посреди с остальными предметами домашнего убранства.

На дворе стояла зима 1994 года. Несколько месяцев назад Борис Ельцин распустил с помощью армии Верховный Совет Российской Федерации, что, по сути, было концом коммунистического режима.

- Как живется Беку сейчас? – спросил Стивенсон, и сидящим за столом стало ясно, о чем идет речь.

- Становится трудно...- ответил Бек Мурза. – Жизнь дорожает. Страна переходит на доллары. Откровенно говоря, я никогда не чувствовал себя таким беззащитным как сейчас. Включишь телевизор, а там убивают, грабят, унижают... словом, жуткое зрелище. Мы с Соней смотрим только последние известия, а в остальное время стараемся лишний раз не включать.

- Так ли плохо на самом деле?.. – спросил Чарльз. – Телевизор – это детище человеческой цивилизации. Режиссер хочет воспитать в зрителе твердость духа. Быть готовым к предстоящим трудностям, не бояться ничего, побеждать.

- Жестокое время наступает, - продолжил Бек. – В сталинское время сотрудники НКВД могли забрать любого человека из дома среди бела дня. Одних расстреливали, других по этапу ссылали на Соловки, в Сибирь, в Среднюю Азию. Но ведь и сейчас среди белого дня человека могут убить в собственной квартире или на улице! Поговорка «мой дом – моя крепость» обретает буквальный смысл. Возьмите хоть наш дом. На улице вас встречает стальная дверь с домофоном. На этаже - внешняя стальная дверь, за ней еще одна, внутренняя. Мы с соседом хотели дверь проще, но у установщиков не было никаких других, кроме как стали.

- Безопасность каждого таким способом не решить, - покачал головой Чарльз.

- Недавно по телевидению выступал один новый русский и сказал: «У меня одних только телохранителей больше двухсот человек». Рядовые люди, вроде нас, себе этого позволить не могут. Признаки нового времени, - сказал Бек Мурза.

Фарфоровая чашка, стоявшая рядом с локтем Бека, по цвету напоминала обложку книги Эдхьяма Тенишева «Древнекыргызский язык». Бек оживился и начал обсуждать с профессором Стивенсоном выход этого издания, но скоро разговор опять вернулся к московскому быту.

- Когда мне грустно или страшно, я выхожу на улицу, - сказал Мурза. – Наша действительность - лучший врач для меня. На улице такие же люди, как и я. При виде их, я успокаиваюсь. Передо мной сразу встают тысячи обездоленных людей, таких же, как и я. Это укрепляет мой дух. «Я не один страдаю в этом мире!», - думаю я. Черная зависть сидит в нас. Ее внедрила в нас советская действительность. Неумная ненависть к богачам сделала из нас завистников. Все мы жертвы правления коммунистов. Не приди они к власти в восемнадцатом году в Петрограде, не было бы сегодня на улицах так много несчастных и потерянных людей.

- Потеря?..- переспросил Чарльз неуверенным голосом. – Что они потеряли?

- Работу, семью, Родину, одним словом - будущее, - разъяснила ему Адия.

Бека радовало, что у него с американцем нашлось много общего, и он решил перевести разговор на чистую лингвистику:

- Помните, Чарльз, я спрашивал вас о трудах датского филолога Томсена? Он приписывал происхождение клинописной эпитафии с древнего надгробия киргизам. К его мнению в России присоединился академик Владимир Радлов.

- Конечно. Также об этом писали академики Малов, Бернштам, по-моему, даже Поппе...

- Мне до сих пор непонятно, почему этот факт замалчивался более ста лет?

- Если взять Советский Союз, то, я думаю, здесь причиной стала политическая обстановка. А что касается Америки, то у нас никто не скрывал этого.

- Теперь я могу сказать, что эти рунические надписи – достояние моего народа! В них спрятаны отпечатки ума и сердца моих древних предков! Мой дед Мурза все время твердил, что человек жив столько, сколько о нем помнят другие. Так и здесь, пока мы помним свою историю, извлекаем из нее уроки - мы живы.

Соня предложила кофе во второй раз, но Чарльз Стивенсон вежливо отказался, сославшись на то, что ему пора в аэропорт.

- Друг мой, Бек, я вижу, тебя заботит как прошлое, так и будущее своей нации, - сказал профессор Стивенсон. – Однако, как же можно переживать за прошлое? Как? Его нет. Как можно переживать за будущее? Его тоже пока нет. Все это в воображении...

- На самом деле, Чарльз, дорогой, - перебил его Бек, – история жизни одного человека и есть путь всего. Поэтому и говорится, что этнос без любой своей частицы не полон.

- Я согласен с тобой. Но зачем горевать над прошлым, когда тебя там не было. Так и в будущем – тебя тоже не будет. Истинная жизнь – это вот сейчас, она происходит между тобой и мной, Соней, Адией или твоими детьми. В эту минуту! Вот за неё и стоит бороться.

Адия своим прямым носом, карими глазами и пышными черными волосами, убранными под платок, напомнила Беку кречета. Мелкие шажки делали ее походку женственной. Шла же она всегда впереди мужчин, как предводитель. Также Адия имела привычку переводить по своему усмотрению, поэтому некоторые предложения, как со стороны американца, так и со стороны киргиза, не получали перевода.

Быстрый, почти неуловимый говор профессора Стивенсона раз и навсегда врезался в память Мурзы. Спокойствие и доброжелательность Чарльза создавали ауру открытости. Бек внимательно следил за американской речью, хотя и не всегда понимал смысл. Американский гость обратился к Адие:

- Может он хочет съездить на историческую родину?

- Не хотели бы вы отправиться домой? – перевела Адия.

- Нет... - поправил ее Стивенсон спокойно. – Историческая... родина...

- Хотите ли вы съездить на родину? - поправилась Адия.

- На Средний Енисей? Минусинск? Или на Алтай? – отшутился Бек.

- Yes!.. – обрадовался американский профессор. – Алтай! Для всех тюркских народов это земля обетованная. Куда еще он хочет поехать?

Тут Бек Мурза, подхватив инициативу, обратился к Адие:

- Скажите мистеру, что я хотел бы побывать в Вашингтоне, Санкт-Петербурге, Сиэтле, Самарканде, Одессе, Париже, Стамбуле, Копенгагене, Токио...

- Стоп... стоп... - мягко остановил Бека американец в присущей ему невозмутимой манере. – Зачем вам нужно, например, в Санкт-Петербург?

- Тот, кому дорог его талант, уезжает Питер, - сказал Бек.

Но Адия не перевела его, тогда толмач добавил:

- Россия всегда была богата интеллектуальной средой. Однако в каждом регионе она по-разному развивается. Я бы осмелился охарактеризовать московскую интеллигентскую среду, как хищническую, а питерскую - как Мекку для талантов.

Адия и это не перевела. Профессор Стивенсон выжидающе смотрел на переводчицу, но тщетно. Тогда он повторил свой вопрос:

- Зачем Беку северная столица России?

- В Питере живут представители пяти родов, - ответил Бек Мурза. – Хоть у нас, их сорок родов, тем не менее, киргизы не такая уж многочисленная нация. У нас каждый род на виду. Мы следим за каждым родом издалека, но, как и в древние века, не вмешиваемся в их жизнь. А съездить, посмотреть вблизи – интересно.

- Зачем? – спросил американский ученый у Адии.

- В Санкт-Петербурге много киргизов, - перевела она сходу.

3

- Как у тебя с Родиной, Бек? Часто ли бываешь? – повторно спросил профессор.

- Спасибо, Чарльз, с Родиной у меня все в порядке, - ответил Бек, а сам призадумался.

На Родине толмач Мурза был последний раз при советской власти. Та поездка стала для него последней, так как понял он, что нужен был лишь коллегам по своей профессии.

Бек затих, и последняя поездка в Киргизию встала у него перед глазами. Вспомнилось, как в тихую ночь во Фрунзе в общей постели на четверых человек, расстеленной на полу, в спину ему плакал друг Асан Джапар.

В аэропорту «Манас» Бека встретили Асан и два его товарища. На старом «Москвиче» они добрались до гостиницы «Пишпек», где за одним столом коротали в уголке ресторана «Сейил» летний вечер.

Знакомые Асана ушли за полночь, Джапар же пригласил старого друга переночевать у него дома. Пока Асан ловил такси перед гостиницей, Бек поднялся в номер, opravился перед дорогой и, сдав ключи дежурному, вышел на улицу.

Двухкомнатный домик в Рабочем городке сдавал семье Асана Джапара пенсионер Аккоён. Запомнил его фамилию Бек Мурза при первой же встрече, потому что его злую овчарку по кличке Мурена никто не мог успокоить кроме самого Аккоёна. Как только такси затормозило возле дома, Мурена начала истошно лаять, и ни Асан, ни Бек ничем не могли ее успокоить.

- Мурена! Мурена! – умолял Асан собаку. – Это я, Мурена. Свой я! Эх, вот сука! Я же твой квартирант, хожу сюда больше года. Ну, Мурена! Дай нам пройти к себе!

Наконец из темноты появился коренастый старичок. Удостоверившись, что за воротами действительно Джапар, он привязал собаку к конуре.

- Вы из Москвы? – спросил старичок.

- Да, он прилетел сегодня вечером, - ответил Асан.

- Меня зовут Чаар Бозгунович, - представился старичок. – Не говорите Аккоён. Я – Чаар Бозгунович, - повторил старичок чуть осипшим голосом. – Запомнили?

Это было сказано в такой обстановке и таким тоном, что Бек тут же повторил:

- Чаар Бозгунович...

Снимаемый Джапаром домик стоял в глубине сада, у самого забора. На крыльце пришедших уже ждали разбуженные дебошем Мурены жена Асана – продавщица продмага Нургюль и его дочь старшеклассница Джаныл, которую он выписал недавно, оказавшись на малой родине Лейлеке.

- Проходите, - вежливо приняла ночного гостя Нургюль.

Двухкомнатный дом Асана на деле оказался зимним гаражом. Когда Аккоён стал сдавать его в наем, то просто разделил помещение фанерой.

Толмач Бек Мурза знал лингвиста Асана Джапара давно. Этнографические труды его всегда нравились Мурзе, а тот, в свою очередь, хвалил переводы Бека. Они познакомились пятнадцать лет назад и подружились настолько крепко, что порою Бек, звонил Асану больше, чем родным в Чештюбе. Бек знал, что Асан приехал во Фрунзе около двадцати лет назад с юга Киргизии, с просторов благодатной долины Тёё джайлоо. В столице Киргизии он защитился и стал известным ученым.

Бек всегда восхищался стойкостью духа своего друга. Не прошло и пяти лет с того момента, как Асан приехал во Фрунзе, а в столичной среде его уже почитали. Первая же книга Джапара, под названием «Белая кость», этнографический очерк о древних киргизах. Самим киргизам труд понравился, но не советской идеологии. В лице филолога Джапара советская власть увидела киргизского националиста. Книга не дошла до магазинов, а самого Джапара уволили по статье из университета, где он преподавал диалектологию.

- Для меня все равны - сказал Асан. – Что южанин, что северянин - я их и различу-то вряд ли. С виду и тот, и этот долговязый. Северянину скажи что - кивает головой, южанину – тоже кивнет. Правда, северяне носом чаще шмыгают. Вот и вся разница.

- Ты двуглав, как орел с российского герба, Асан, - сказал Бек. – Одной головой смотришь на юг, другой – на север, одной головой на Москву, другой – на Киргизию. Тебе, дружище, одной жизни мало.

- Тебе, свободному человеку, легче говорить, - ответил Асан.

- Я свободный?! – возмутился Бек.

- Так или иначе, без Москвы мою проблему не решить! – ответил Асан Джапар. – Скажи, Бек, как там? Тебе лично хорошо? Или ты тоже сторожишь собственную смерть? Может, что посоветуешь? Союз моему орлу двуглавному подрезал крылья. Вырастут - тут же улечу отсюда к чертовой матери!

- Куда? – спросил Бек.

- В Америку, - ответил Асан. – Да просто на запад.

- Ну, хорошо, а на кого ты сейчас злишься? Терпи, пока крылья растут.

Асан не ответил. Его от природы крепкая пятерня с непривычной дрожью провела по наголо остриженной голове.

- Я на себя зол, - ответил Асан. – На Горбачева! На этого подонка Аккоёна! За гараж его я ежемесячно выкладываю по полсотни из своего кармана!

- Так построй сам сарай, сдай его – и нет проблемы.

- Куда не кинь – всюду клин. Вокруг одни аккоёнцы! Надоели мне эти полукровки! Везде – они.

- Что значит полукровка?

- Да он наполовину калмык!

- Ах, вот оно что? – воскликнул Бек. – Так бы сразу и сказал! Ты, конечно, имеешь перед ним преимущество, полон достоинства и чести! Не нравится – наведи порядок, ты ведь представитель титульной нации! В твоей жизни должен главенствовать твой порядок!

- Порядок говоришь?! – зашипел Асан. Спустя секунду он, мгновенно побледнев, метнул в Бека лежавший на столе кухонный нож.

Обдав едва заметным ветерком щеку Бека, тяжелый нож со звоном вонзился в фанерную перегородку в нескольких пальцах от его правого уха. Не успел Бек Мурза опомниться, как второй нож так же звонко вонзился в фанеру слева от его головы.

Все это произошло так стремительно, что Бек, также как и женская половина, не успели среагировать. Лишь после того, как Асан метнул второй нож, обе женщины вскрикнули в один голос:

- Что ты делаешь?!

Джапар трясся, как осиновый лист. Глаза его были полуприкрыты, руки шарили по столу, будто в поисках следующего ножа. Женщины, как и Бек, застыли в ожидании самого худшего. Именно в это время кто-то постучал в дверь.

Стук был осторожным, оттого и казался особенно неприятным в звенящей тишине. Нургюль и Джаныл юркнули в другую комнату, оставив мужчин на кухне. Бек оставался на своем месте, не моргая, следя за Асаном. Сам виновник паузы со стиснутыми кулаками произнес сквозь зубы:

- Подтолкни, Аккоён, не притворяйся! Входи, я не собираюсь тебе открывать.

Дверь открылась, и из крошечной темноты появился Аккоён.

- Опять устраиваешь цирк! – обрушился пенсионер на квартиранта. - Длинным рублем обзавелся? Тебе энекⁱⁱⁱ покоя не дает, твой гость поймет, о чем я говорю. Пора тебе энек отрезать! Хорошо еще, что твоих женщин дома нет.

- Дедушка Чаар, мы здесь! – послышался девичий голос Джаныл из другой комнаты. – Отец не виноват, его заставляют злиться.

Тем временем Аккоён подошел к оцепеневшему Беку, и, схватив оба ножа за рукоятки, рванул на себя. Ножи с треском выдрались из фанерной стены, оставив после себя сквозные рваные дыры. Старик положил ножи на стол, а затем отвесил Беку и Асану по оплеухе. Бек сразу почувствовал облегчение, будто Аккоён освободил его из капкана. На прощание старик бросил:

- Мы – киргизы такой народ. За сорок лошадей душу дьяволу продадим, что уж там говорить о чести, отце, матери и всем остальном!

После этих слов Аккоён, широко открыв дверь, опять шагнул в темноту за порогом. На этот раз Бек Мурза заметил в небе яркую звезду.

После такого напряжения нашелся повод за что выпить. Оказалось, что у Асана сохранилась «Столичная» местного разлива, которая была немедленно откупорена. Через некоторое время основательно подвыпивший Бек забылся в беспамятстве сна.

Пришел в сознание он от близкого петушиного крика. Открыл глаза: вокруг еще темно. Справа плечом к плечу лежал Асан, прижавшись к мужу, спала Нургюль. В общей постели было тесновато. За стеной опять прокукарекал петух. Бек с детства не слышал петушиного крика.

Бек лежал на спине, а вокруг было слишком тесно, чтобы беспрепятственно повернуться на бок. Он, было, начал обдумывать, как бы подняться, но вдруг услышал бодрый голос Асана:

- Ты, Бек, извини меня ... дурака...

- Ты что не спал? – удивленно спросил Бек.

- Мы и так много спим на протяжении жизни, а что толку? – бросил Асан. – А ты, оказывается, спишь как животное - ни звука, не шороха, как Иссык-Куль перед бурей.

Все четверо спали в одной постели. Она была расстелена посреди комнаты на полу.

- Вот ты мне скажи, - прервал установившуюся тишину Асан. – Кто я сейчас? Мне покойный Юдахин^{iv} однажды сказал - иди в семантику родного языка, там не поднятая целина, там себя прокормишь.

- Должен признаться, Асан, - сказал Бек, – Константин Кузьмич, по сути, был киргизом. Когда листаю его труды, эта мысль не оставляет меня. Он был великим ученым, не то, что ты. Разбросался тут ножами.

- Это же просто шалости, - ответил Асан. – Я так разогреваю кровь, ножи мне вместо дротиков. Сердце ведь не лопнуло? Нет? Значит все в порядке. Мы с тобой, как и твой род Черик, так и мой род Жоокесек, от рождения воины. И нам, дуракам, врожденным воинам, порох надо хранить сухим. Воин без сильной руки - все равно, что седло без стремени.

- Но ты же мог ошибиться!

- Я упражняюсь почти каждый день. Да и просто нашло на меня что-то, прости дурака.

И, набрав больше воздуха, запел:

«Манас, кто в стороне стоял,
Ударил в золотой барабан.
Стояли друг против друга (богатыри)»,

Бек Мурза, услышав строки Манаса, не устоял и подхватил:

«Губительные луки, крашенные стрелы,
Посмотришь – вот чудеса!
Стрелы наставили на тетиву,
Летят стрелы в цель.
(А теперь) все они ушли (на тот свет).
Непостоянен этот ложный мир!
Храбрый Манас богатырь
Еще раз ударил в барабан»,

К нему присоединился низкий голос Асана Джапара. Показалось, что дом стал шире изнутри. Два друга, лежа в постели перед рассветом, дуэтом читали вслух:

«Видевшие это иноверцы
Рассудка лишились совсем,
Стрелы из луков со свистом летят,
Искусством (своим богатыри) все народы превзошли.

Попали стрелы, (пущенные) из луков,
В кисточки, нацепленные на шапки,
И сорвали их.
Видели, как стрелы, (пущенные) из луков,
Срезали все (до одной)
Кисточки на шапках их» - сказав, остановились.

Окончив, Асан толкнув Бека в бок, и тихо захохотал. Женская половина зашевелилась, и тогда они перестали смеяться. Через некоторое время Асан, глубоко вздохнув, виновато спросил:

- Лучше расскажи мне, как там в Москве? Что известно им обо мне, о моих работах?

- Утешать тебя, дорогой Асан, я не собираюсь, - ответил Бек. – Тебя в Москве не знают.

- Никто?

- Ни одна живая душа. Ты там не существуешь, как не существуешь и тут.

- Жестокий ты человек, Бек.

- Ты хотел знать правду? На твоём месте я бы не думал о том, что в Москве изменят о тебе мнение. И вообще, будешь много думать о себе - превратишься в демократа или в бюрократа.

- Унижаешь Бек, унижаешь, - неожиданно всхлипнул Асан Джапар то ли от выпитого алкоголя, то ли от обиды, что некому о нём думать в Москве. – Сколько раз пытался подняться, да не выходит. Сам я здесь, а судьба моя решается там, в Москве.

С третьими петухами настолько рассвело, что вершины гор напротив окна уже были хорошо различимы. Нургюль встала первой и, проворно одевшись, вышла на улицу. За ней встала и Джаныл, только тут Бек заметил, что она спала, в чем мать родила. Девушка резко выскочила из общей постели, ничуть не стесняясь мужских взглядов. Затем она спокойно натянула на себя цветастое платье, причесала длинные черные волосы, заплела их в одну косу и вышла на улицу через окно.

История эта с ослепляющей скоростью пронеслась у Бека в мозгу, но рассказать ее американскому другу он так и не решился.

- Бек, ты так глубоко задумался, что мне даже страшно отвлечь тебя, - сказал Чарльз.- Ну, что скажешь?

- Я только что побывал на Родине, дорогой друг, - с улыбкой ответил переводчик.

- Ну, что? Дома все в порядке?

- Все в порядке, - ответил Бек.

Соня настояла, чтобы перед дорогой гости выпили по бокалу грузинского вина. Американский ученый улетал в Чехию, и Соня следила, чтобы гости не опоздали на самолет. После того, как бокалы опустели, Соня по русскому обычаю попросила всех присесть «на дорожку», и только после этого подала им верхнюю одежду.

Уже на улице Соня предложила Адие свой зонт. Но Адия не взяла, сославшись на то, что в Казани не только в снег, но даже в дождь ходит без него. Когда они прибыли в Шереметьево-2, регистрация на рейс ОК-0895 уже заканчивалась.

Снег валил без остановки. Чарльз по-джентельменски оставил Адие свой семейный зонт, хотя переводчица и на этот раз отказывалась, как могла.

Самолет с мистером Стивенсоном на борту уже улетел, а снег все продолжал падать. Адия пыталась раскрыть зонт Стивенсона, но кнопка не поддавалась.

- Давайте я попробую, - сказал Бек и взял из ее рук зонт.

- Хорошо, что в снегопад уезжает, это добрая примета, - сказала Адия.

- Американцев унижает сочувствие.

Бек Мурза своими крепкими руками дождал кнопку американского зонта. Темным шатром раскинулся над их головами зонт Чарльза, оберегая от московского ненастья.

- Встреча с Чарльзом для меня все равно, что прием витаминов, - сказала Адия, находясь под зонтом.

- На счет витаминов это вы точно подметили, - засмеялся Бек.

- Встреча с ним мне придает уверенность. А уверенность рождает энергию. Остается только разумно использовать ее некоторое время.

- Турмушка чыккансызбы?^v - спросил толмач ее.

Казанская переводчица не поняла, и чтобы уточнить, спросила:

- Тормоз? Что-что?

- Отца помните?

- Он оставил много книг. Мать говорила, что он знал три алфавита: арабскую вязь, латиницу и кириллицу.

- Да, при Сталине у нас также проводились алфавитные реформы...

Адия воспитывалась в строгости.

Воспитатели, учителя и преподаватели вели себя с ней в одном ключе: делали замечания, одёргивали, оскорбляли. Патологическая боязнь наставников заставляла её трудиться, не покладая рук. Адия читала дома, читала по дороге, на работе. Все свободное время она проводила в библиотеке, на семинарах.

Адия замечала, что ее учителя внутренне стремятся сделать ее такой же, как они сами: строгой, усердной, но - ограниченной. Они гордились своими учителями, рассказывали об их умении преподнести свой предмет, замечали их строгость, восхваляли их за то, что те наставили их на правильный путь. Практически все они не были коренными казанцами. Москвичи, ленинградцы, новосибирцы, киевляне, одесситы - их биографии не были известны практически никому. Однако Адия не помнила, чтобы кто-нибудь из них возвращался на малую родину. Каждый из них оставался в Казани до конца дней своих.

Наставники Адии становились видными деятелями республики и представляли Советский Татарстан в других регионах и в центре, имели почетные звания, премии и все возможные привилегии. Но отцовское воспитание девочке было больше по душе. Ее отец Садык был известным в регионе лингвистом-самоучкой. Он самостоятельно освоил сначала английский и китайский языки. Его жена Роза была швейей в ателье. Отец преподавал татарский язык в школе, а дома занимался с дочерью английским языком. По этой причине Адия и в школе, и позже в стенах университета говорила по-английски не хуже своих учителей.

Но именно усердие Садыка в освоении языков погубило его. Однажды он высказал крамольную, с точки зрения советской власти, мысль: «Если хотите, чтобы ребенок выучил иностранный язык, прежде дайте ему свободу. Без душевной свободы ему не освоить даже родной язык».

Фраза дошла до органов, и, несмотря на то, что произнесена была уже после смерти Сталина, Садыка отправили за решетку, где он и прожил остаток дней. Будучи студенткой, Адия пыталась выяснить местонахождение могилы отца, но безрезультатно. Советская бюрократия чутко хранила данные о последнем пристанище заключенных.

Однажды Адия спросила у одного из своих многочисленных преподавателей:

- За что отца так?

- Он был идейно близоруким человеком, - ответил профессор. - Что было на языке - власть услышала, а что было на душе - никто не знал. Его пришлось изолировать.

- Я могу повторить то, что говорил отец: «Если хотите, чтобы ребёнок выучил иностранный язык, прежде дайте ему свободу. Без душевной свободы ему не освоить даже родной язык». Вот меня тоже можете посадить в тюрьму, - вызывающе сказала Адия.

- Одно дело, когда эти слова доходят до моих ушей, - грустно улыбнулся профессор. - Стреляного воробья на мякине не проведешь. Ваш отец говорил это в аудитории, где присутствовал московский инспектор. Так, что Садык сам себе отсек корень.

Идеология Советов заставила людей забыть о прошлом и не думать о будущем. Эти понятия власть давала каждому в готовом виде. Отца Адии посадили за высказанное слово, на деле ограничив его в свободе мысли.

- Дома полно отцовских книг, а их прочитать не могу, - продолжила начатый разговор Адия.

- Вы сожалеете, что отец не смог вас приобщить к родному языку?

- Мне стыдно, конечно, что не могу прочесть письма отца, написанные на мое имя. Однако, согласитесь, возможности татарского языка, как и вашего – киргизского – невелики.

- Судьба языка - судьба нации. Если носители того или иного языка не пренебрегают материнской речью, то они могут жить самостоятельно. А вот народ, говорящий на чужом языке, вряд ли может себя называть нацией. Это похоже на аффинаж, без которого золото не блестит.

4

- Спой. Я хочу почувствовать слово киргизов, - сказал Юрий Уста.

Это было начало очередного учебного года в стенах Литературного института. На дворе стояла осень 1968 года, ставшая для студентов памятной. В августе того года советские танки вошли в Чехословакию, чтобы прекратить движение либерализации. Юрий Уста приехал из Кубанских степей, а Бек Мурза – из долины Чештюбе, что в Киргизии.

Уста учился на поэта, Мурза – на толмача, то есть переводчика. Учебным корпусом студентам служило имение Герцена. Небольшие комнаты, вообще-то предназначенные для жилья, сильно стесняли их. Поэтому во время больших перемен они выскакивали наружу, а оттуда к Тверскому бульвару, лежащему в полутора шагах от здания института. Небольшой двор Литинститута, который в пятидесятые годы подметал Андрей Платонов^{vi}, не привлекал студентов.

Однажды во время большой перемены двое друзей оказались в пустой аудитории и завели этот разговор. Бек не заставил себя долго ждать, набрал в грудь больше воздуха и начал песню:

«Э-э-эй, байыркынын жомогу
Баштаса келер оролу.^{vii}».

- Подожди, я не понимаю, о чем речь, - сказал Уста. – Переведи мне.

- Я начал читать тебе эпос «Манас», - ответил Мурза взволнованным голосом. - Но пересказать его целиком я не в состоянии. В нем более миллиона строк. Поэтому Чингиз Айтматов его называл «подобным океану».

- Расскажи мне, кто такой Манас?

- Пожалуйста. Корни Манаса берут начало от Кара-хана. Среди сыновей Кара-хана был Огуз-хан. От него идет род Аланча-хана. У Аланча-хана родились Байгур и Уйгур. У Байгура был единственный сын - Бабыр-хан. Его сыном был Тюбей. У Тюбея был сын Кёгей, а у него три сына - Ногой, Шыгай и Чыйыр. У Ногоя было четыре сына: Орозду, Усен, Бай, Джакып. Так вот, от последнего, Джакыпа, и родился великий Манас.

- Почему ты называешь столько имён? Нельзя ли просто сказать: Манас – сын Якупа?

- У киргизов принято считать свое родство до седьмого колена. Каждый уважающий себя киргиз должен знать своих предков с малых лет. Кто не знает хотя бы одного из семи предыдущих колен своего отца, на того будут указывать пальцем да обзывать - «кул», то есть раб, не помнящий своих корней.

- Ладно. Это ваши нравы. Продолжай.

- От Кара-хана идут корни не только киргизов, но и многих других народов, говорящих на тюркских наречиях. Так, в предании «Книга моего деда Коркута»^{viii} у древних Огузов или в алтайских народных сказаниях его предки оказываются точно в таких же ситуациях, как и богатырь Манас.

- О династии караханидов я читал у Гумилева, но ведь она существовала то ли в десятом, то ли в одиннадцатом веке, а все эпосы были созданы гораздо раньше!

- Государство Караханидов существовало с десятого до начала тринадцатого века. Это было тюркское раннефеодальное государство. Располагалось оно в пределах Восточного Туркестана, Семиречья и Южного При Тяньшанья. В 1212 году его разгромил шах Хорезма Мухаммед^{ix}.

- Аллах с ними. Вернемся к нашим баранам.

- Не гони лошадей. Мне хочется, чтобы ты выслушал мой рассказ, не спеша. На самом деле Манас по эпосу появился на свет еще до рождения Иисуса Христа. Тогда сильный человек окружающими уподоблялся богу. Он был нужен всем. Не случайно, в эпосе отведено столь много места обрядам и культовым традициям времен язычества.

- Бек, становится скучновато. Расскажи мне лучше, как звали мать богатыря?

- Чыйырды.

- У нее тоже семеро матерей?

- Обычно считают предков до седьмого колена только по мужской линии.

- Что означает ее имя?

- Вообще-то ее звали Шакан. Она была женой Чыйыра – младшего сына Кёгея. Чыйыр приходился Джакыпу дядей по отцовской линии. Чыйыр погиб в бою. По традиции левирата Джакып женился на вдове умершего дяди. С тех пор Шакан стали звать «женой Чыйыра» - Чыйырды.

- Да хоть Джокондой ее назови, какая разница?

- Отнюдь, - ответил Бек. – В этом выражается отношение киргизов к уважаемому человеку, даже умершему. Чыйыр был почитаем родственниками, но бездетен. Это обстоятельство побудило семью Ногоя сохранить, таким образом, его имя.

- Тебя не смущает обычай левирата? - спросил Юрий Уста.

- Нет, - ответил Бек Мурза спокойно и добавил.- Он существовал не только у киргизов, но и по всей Центральной Азии, на Кавказе, на Ближнем Востоке, в частности, у евреев.

- Он и по сей день существует у киргизов?

- Скорее да, нежели нет, - ответил Бек.

- А за что родственники так любили Чыйыра?

- Он был последним из семьи Кёгея. После смерти старшего брата Ногоя на его владения напали китайцы. Именно во время сражения с ними Чыйыр был убит, и его воины потерпели поражение. Китайцы отобрали у киргизов родовые земли, а их самих отправили в ссылку в дальние края.

- Что значит в дальние края?

- В точности, как сталинские репатриации.

- Ты не ответил на мой вопрос.

- Китайцы изгнали двух сыновей Ногоя, Бая и Орозду, на Алтай, а третьего, Усена, аж на Тибет.

- И сколько тогда было Джакыпу?

- Ему и семнадцати не стукнуло.

- Тем не менее, женился.

- Ранние браки на Востоке приняты.

- И тут дал им Бог великого богатыря, чтобы защитил он простой народ от китайцев, так?

- Не совсем, - сказал Бек.- Ты торопишься и мешаешь мне рассказывать по порядку. Джакып и Чыйырды прожили вместе тридцать три года, прежде чем у них родился Манас.

Большая перемена подходила к концу. Студенты заполняли аудиторию, готовясь слушать лекцию по античной литературе.

Будущий поэт Юрий Уста и Бек Мурза писали посредственные стихи. Иногда на стенах туалета в общежитии, что на Добролюбова, появлялись стишки, которые уборщица Нина Акимовна приписывала Юрию, узнавая его почерк. Почерк у Юрия был детским.

5

- Все остальное потом. Но давай начнем разговор о Манасе, - предложил Уста.

- Пожалуйста. Характерная черта эпоса в том, что сюжет не так фантастичен, как в большинстве других видов эпического жанра. Дословно Чохан Валиханов о нем писал так: «Манас есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица - богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Иллиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные, медицинские познания киргизов, и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее»^x. В «Манасе» нашлось также место для описания быта с древних времен, истории, военного дела, верований. Например, у киргизов есть поверье, что великий человек может родиться у матери, которой во время беременности захочется съесть тигриное сердце. Именно такое желание и испытала беременная мать Манаса. Она сказала об этом охотнику, и тот принес ей сердце животного. Она тайком от мужа и людей сварила и съела его. Также в день, когда родился Манас, родился и его будущий боевой конь, Аккула.

- Новорожденного Манаса что-нибудь отличало от других младенцев? Может, он родился гигантом или был умен не по годам?

- Нет, он не родился гигантом, хотя был очень крупным и сильным ребенком. Единственное, что было необычным так это то, что на свет будущий богатырь появился с туго сжатыми кулачками, а в кулачках была кровь! По другой версии, он вырвал у матери кусок печени. Это был недобрый знак, который сильно напугал отца Манаса.

- В его имени есть какой-то скрытый смысл?

- Имя Манас в киргизской ономастике не существует. Оно есть только в данном эпосе. Думаю, в его неповторимости содержится особый посыл. Киргизы обожествляли героя, и назвать его именем дитя было кощунством, равносильным тому, чтобы христианин назвал бы сына Господом. Глубокое почитание имени любимого богатыря сохранилось до конца XIX века. Лишь в советское время, когда старые устои нации обесценились, эпос не издавали и запрещали исполнять прилюдно, советские киргизы стали давать сыновьям имя Манас. Раньше никто бы не посмел этого сделать.

- Погоди, так, кто нарек Манаса этим самым неповторимым именем? - перебил его Юрий.

- По традиции имя младенцу давалось в присутствии людей всего округа. В понимании древних киргизов имя человека имело магическое свойство. «Оно сопровождает человека на протяжении всей его жизни и влияет на судьбу его», - говорили они. Поэтому подбиралось имя новорожденному особенно тщательно. Джакып пригласил аксакалов – мудрецов, чтобы те выбрали младенцу достойное его имя. Однако они не смогли прийти к единому мнению. Тут появился в аиле незнакомый белобородый странник, который предложил наречь младенца Манасом...

- Чем занимался в детстве будущий богатырь? Сражался с чудовищами и побеждал врагов?

- Нет, Юра, у нашего героя все не так, как у обычных героев. Он до восьми лет рос у родителей. Потом отец отдал его подпаском своему пастуху. В девятилетнем возрасте, занимаясь выпасом скота отца, мальчик впервые вступил в битву с врагами киргизов.

- Кого ты имеешь в виду?

- Китайцы, завоевав землю киргизов, несколько родов киргизов выслали на Саяно-Алтай. Среди них были Джакып и его братья. Власть на Алтае была тогда в руках калмыков. Поэтому первые столкновения юноши Манаса происходили с ними.

- И с кем именно он сражался? – настаивал Юрий Уста.

- Банда конокрадов во главе с человеком по имени Кортук внезапно напала на табун лошадей Джакыпа. Юный богатырь Манас, пасущий лошадей отца, легко расправился с ними. Естественно, исчезновение Картука и его отряда не должно было быть остаться незамеченным. На следующий день к аилу Джакыпа подошли регулярные войска калмыков. Джакып хотел отдать кун - плату за убитого Картука - пришедшим, но Манас опередил его и вступил в бой.

- Ну и, конечно, богатырь в одиночку, весь в белом, легко сокрушил всех! – съязвил Юрий.

- Не угадал, - сказал Бек в ответ. – На помощь семье Джакыпа пришли соседние роды киргизов. Собралось войско численностью в 780 человек против 800 у калмыков. В жестокой битве polegло 413 людей у противника, войско же Манаса потеряло всего 44 человека. Сам десятилетний Манас перебил больше врагов, чем любой взрослый.

Однако на этом злоклучения семьи Джакыпа не закончились. Калмыки тут же сообщили главе всех китайцев хану Эсену о своем поражении, при этом отметив необычайную силу Манаса.

- Постой, Бек. Тебе не кажется, что этот китаец носит не китайское имя?

- О, Юра, тебя потянуло на этнолингвистику? Информации на эту тему хватит несколько докторских диссертаций. Поэтому не хочу затрагивать ее. Скажу только, что китайцы тоже раньше киргизские имена писали на свой лад и искажали их, смотри переводы Бичурина^{xi}. Также заменялись, например, географические названия. В одном случае давали как перевод, а потом, как новое название. Мой дед говорил, что история – это кочующие пески в пустыне. За движением их уследить трудно. Препятствовать ходу истории невозможно, а вот переписывать её легче легкого. Не хочу дальше углубляться.

- Ладно, проехали. Так что там с этим китайцем?

- Обеспокоенный хан Эсен послал к киргизам своих лазутчиков под видом обычных торговцев. Когда караван приехал в аил Джакыпа, юный Манас играл со своими сверстниками в ордо^{xii}.

- Во что играли? – прервал Юрий.

- Игру эту называют ордо, она сохранилась у киргизов с незапамятных времен до наших дней, притом в нее играют и взрослые, и дети. Ее правила сложны для понимания, и их трудно объяснить. Ее можно понять, только родившись киргизом.

- Что-то не верится...

- Поверь на слово. Тем временем шпионы, не долго думая, решили украсть молодого богатыря. Площадь, где разворачиваются игры, имеет особый статус, никто кроме игрока и судьи не имеет права войти в ее пределы. А тут целый караван! Манас быстро смекнул, что к чему, бросился на китайцев, повалил главного соглядатая на землю, сел на грудь и свернул ему шею.

- Ну что же, впечатляет.

- С этого времени юный богатырь стал главным врагом хана Эсена.

- Честно говоря, эти стычки не слишком-то достойны сражений из эпической саги, баловство какое-то.

- Согласен. Впервые Манас принял участие в серьезном сражении в одиннадцать лет. С войском в 600 человек он встретил более чем в десять раз превосходящую армию, которую вел китайский воин Нескара. Тот тоже был молод, но не настолько, - ему уже исполнилось девятнадцать. Битва началась с того, что с каждой из враждующих сторон выходили друг против друга добровольцы для боя один на один до смерти одного из участников.

После двух поражений и одной победы своих воинов Манас сам вступил в бой и взял верх над тремя китайскими богатырями. Раздосадованный Нескара, ударив плеткой

своего коня, сам кинулся на Манаса. Однако не хватило ему храбрости, ушла душа в пятки от грозного вида юного воителя, и в страхе бежал он с поля брани. По неписанным правилам тех сражений проигравшая в единоборстве сторона объявлялась капитулировавшей. Войско Нескары, как только он удрал, сдалось. В эпосе говорится, что было их 6300 человек:

«Нескара отступил и бежал.
Все остальные, дрожа,
Виновато, заискивающе смотря,
Пощады прося, плакали навзрыд,
Громко кричали все, как один,
Четыреста тридцать сартов было из них,
Остальные же – китаи и калмаки,
Сказав: «Теперь не будем вас задевать»,
Руки, на макушку положив^{xiii}»,

- «Руки, на макушку положив»? – спросил Уста. – Что это значит?
- Просили пощады, - ответил Бек. – Раньше военнопленные так выражали свою покорность.
- И что же с ними стало?
- А как ты думаешь? – неожиданно ответил вопросом Бек Мурза.
- Манас не мог истребить шесть тысяч безоружных людей, это было слишком неразумно. Лучше их использовать как рабочую силу.
- Логично, но ответ неверный. Киргизы никогда не истребляли тех, кто сдался в плен без боя. Манас разоружил китайцев и отпустил с миром.

6

Пожелтевшие листья осыпались с берез на Гоголевском бульваре. Сидя на скамейке, студенты-пятикурсники Мурза и Уста продолжали давно начатый разговор.

- Согласись, Бек, Манас ведь был малолетним убийцей! Почему ваши сказители не обращают на это внимание? – спросил товарища Юрий.

- А, по-твоему, Юра, в той ситуации Манасу надо было ждать, пока ему исполнится восемнадцать лет? Боюсь, что в этом случае он бы не дождался и до девяти! – заявил Бек. – Напротив, аморальны поступки иноземцев, готовых на убийство ребенка ради власти!

- Не горячись, старина. Чем Манас занимал себя на досуге?

- Как и все его сверстники, Манас свободное время проводил на охоте вместе с товарищами. Ребята уходили в горы или в лес, подальше от глаз взрослых. На охоту в горы Конко, выехало 84 человека вместе с нашим героем. Самому старшему среди них было двадцать пять, а самым младшим был Манас. Тогда-то они избрали Манаса своим ханом. Спустя некоторое время в результате такой же процедуры старшие мужчины избрали ханом Джакыпа.

- А до этого хан у них был?

- Нет, Юра, ведь семейство Джакыпа было в изгнании. А заставила киргизов избрать себе главу угроза со стороны внешних врагов - китайцев и калмыков. «У кого есть хан, тот в беду не попадет», - говорит Джакып, занимая должность. Хан был главным организатором, на его плечи ложилась ответственность за жизнь и благополучие людей. Само собой, этот титул был очень почетен.

- Итак, мы находимся в стане подростка, которому надлежит стать спасителем нации, - подмигнул Юрий. - Только что его избрали ханом. Кстати, как это происходило?

- Схема выборов довольно проста: юноши выбирают себе предводителя и после выборов автоматически становятся его дружинниками. Однако сделать это оказалось не так-то просто: кто-то брал самоотвод, кто-то предлагал себя, но не устраивал остальных.

Когда очередь дошла до Манаса, он также отказался от ханства, но дружина все-таки выбрала его. Естественно, сыграли свою роль отвага и ратные подвиги пятнадцатилетнего богатыря.

- Отлично, вот герой уже встал во главе своего клана. Что дальше, может быть, пора проявить себя в деле?

- Всему свое время. Десять лет прошло с момента избрания дружиной Манаса военачальником. За это время китайский правитель Эсен не раз посылал войска с целью захвата киргизов, но каждый раз его воины терпели неудачу. За это время Манас нашел себе немало сподвижников, - чоро^{xiv} одним из них был славный воин Кошой.

- Как это случилось?

- По решению совета старейшин, Манас выступил в поход на город Дагалак, дабы расправиться с вероломным ханом Кырмус, постоянно строившим козни против киргизов. В единоборстве Манас взял верх над всеми вражескими силачами и вынудил противника заключить договор с киргизами о мире и добрососедстве. Именно во время взятия Дагалака на помощь Манасу приходит богатырь Кошой, и после битвы они объединяют свои дружины. Кстати, когда киргизы были разгромлены китайцами и разогнаны по чужим землям, то одним из непокорённых богатырей был Кошой. Все эти годы он сражался и жил на родной земле Чештубе, пока не вернулись киргизские роды из ссылки.

Изгнанных на Алтай киргизов тянуло назад, на родину. Они чувствовали, какую силу представляет молодой Манас. Он же был уверен в силе своей армии и понимал, что китайская империя ослабевает, но не знал, поддержат ли его. Тогда он решил подать идею возвращения на землю предков совету старейшин во главе с Джакыпом. Совет без лишних раздумий согласился с ним, а сам Манас начал собирать войско для похода.

- Так-так! Опиши, как это происходило? - оживился Юрий Уста.

- Собралась вся мужская половина населения от 17 до 70 лет. Отбор был строгий, далеко не каждому была по плечу военная доля. Так, Манас сказал о негодных соотечественников к ратному делу:

«Старикам с отвислым животом,
Ребятам, чей непригляден вид,
Кто в болячках весь,
Сказал: «Идите, охраняйте своих жен»,
Немых, не умеющих говорить,
С не слышащими ушами глухих,
С невидящими глазами слепых,
Немощных, тех, кому не позавидуешь,
С увечными ногами калек,
Тех, кто в разговоре бестолков, -
/ Таких/ двести тысяч завернул.
Дряхлых стариков
Всех осмотрел.
Не стал их оружие точить
Двести тысяч завернул^{xv}».

Из оставшихся Манас собрал большую армию численностью в 600 тысяч человек. Перед отъездом старейшины заранее определили участок земли каждому роду. По этой причине переезд проходил несколькими путями. Каждый большой род направился на землю своих отцов своей дорогой.

- И сколько битв прошло киргизы на своем пути?

- Много, всех не перечислить. Скажем, победа Манаса над заколдованным войском калмыцкого хана Текеса. Тут есть одна изюминка. Во время празднования этой победы богатырь Манас участвует в единоборстве с калмыцкой воительницей Сайкал.

- О! Совсем другое дело! Обычно такие сражения завершаются женитьбой, - подхватил Уста.

- На самом деле они поженятся, но... на том свете, - многозначительно произнес Мурза. - По мере продвижения киргизской армии встречаются все новые войска калмыков и китайцев. Однако все они терпят поражение от рук войска богатыря Манаса.

- Там кроме сплошных побед Манаса что-нибудь еще происходит?

- Еще как! Вот пример. После гибели в бою с киргизами калмыцкого воина Ёргё его вдова приехала к Манасу с тремя подростками. Двое были ее детьми, а третий - сын вазира. И вот вдова говорит Манасу:

«Если хочешь меня убить – вот я перед тобой,

Очень прошу, умоляю тебя,

Оставь жизнь двум моим сыновьям».

Тогда Манас говорит:

«Выслушай, байбиче, - говорит, -

Вину твоим детям прощаю я,

Видно, ты хороший человек,

Взвешиваешь свои слова.

Пусть твои дети в благополучии живут,

Вот ваш город, если хочешь, живи,

Живите на здоровье себе.

Ырамана сын /Каратай/

Всему народу показал

Ясность своего ума.

Если вам это по душе,

Будем вместе с вами всегда,

Пусть утехой он станет мне», -

Сказал богатырь Манас.^{xvi}»

- И что? Она забыла сказать ему спасибо?

- Нет, остряк, - с улыбкой ответил Бек. - Дело в том, что в эпосе Каратай становится одним из сорока сподвижников Манаса. Однако он больше известен как Ырчы, то есть «певец». Некоторые критики эпоса склонны считать его создателем самого произведения, - ответил Бек Мурза. - Его первым источником и первым исполнителем – манасчи.

- Ты вспомнил имя казаха, в связи с этим у меня вопрос такой. В рядах армии киргизов тогда служили люди другой национальности?

- В армии Манаса был отряд, возглавляемый казахским силачом Кокче. Другой отряд возглавлял кыпчакский воитель Урбю.

- Ну а киргизские роды имели отдельные отряды? – спросил Юрий Уста.

- Хочешь, верь, хочешь, не верь, - начал Бек Мурза. – Но в эпосе не говорится ни об одном киргизском роде в отдельности.

- Да - а, брат, загадочные вы люди, - подмигнул Юрий.

- У каждого народа есть свое двойное дно, - заметил Бек. – А Манас тем временем продолжал свое победное шествие. Был взят город Булагысын, при осаде которого разбит хан Акунбешим. Историки называют его Баласагыном, о чем после в своих научных трудах напишет естествоиспытатель Махмуд Кашгари. После пали Мерке и Ташкент, где были повержены Шаминг-шах и Паннус-хан, угнетавшие и истреблявшие местных киргизов. Примечательно, что все эти ханы, шахи и прочие князьки были ставленниками хана Эсена, главного врага Манаса. Это он в свое время выслал киргизов из Таласа, а теперь его подручные оказывали им сопротивление.

- Сорок племен киргизов занимали землю, равную нынешней Европе вместе с Прибалтикой, - отметил Бек. - При этом каждый род существовал как самостоятельное

государство. Могли объединить их лишь великие войны, страшные эпидемии - джут, традиционные праздники или тризна по великому человеку, как это происходит в эпосе по случаю годовщины смерти богача Кокетей. В остальное время каждое племя киргизов жило на своей территории и развивало свое хозяйство. А хозяйство вели они, в основном, скотоводческое. Для содержания скота необходим был большой участок земли с многочисленными пастбищами. По этой причине земля тогда для киргизов была альфой и омегой бытия.

- Ну да бог с ней, с землей. Вернемся к походу, - перебил его Юрий.

- Гигантское войско во главе с Манасом движется от Алтая на Андижан и Алай.

- Это реальные названия? – вновь перебил Бека Юрий.

- Еще как! Все местности, встречающиеся в эпосе, за малым исключением, реальны. Плохо ты знаешь окружающий мир, Юра! Забыл, где находится Андижан? Забыл благодатную долину Алай, окаймленную цепью гор?

- Ишь ты. Какой всезнайка! Ну-ка, скажи, где находится Селигер? Что такое Мезень и его мерзлота?

- Есть у меня друг, Володя Тучкин, он родом из Мезени. А насчет Селигера, скажу, кто не знает этого озера в наше время?

- Ладно-ладно. Кстати, во сколько лет наш герой впрягся во всю эту историю?

- К тому времени он уже достиг зрелости, а точнее тридцать два года. Богатыря начинают называть «тюре», то есть «господин», - ответил Бек Мурза. – Облик его рапсоды описывают необычайно выразительными для киргизского языка красками... Здесь я тебе, Юрий, не помощник. Конечно, можно перевести текст построчно, но ты не получишь того высокого наслаждения, которое я как киргиз получаю, - добавил Бек.

- Ну и черт с тобой! - рассердился Юрий Уста. – К чему было тогда интриговать?

- Юрий, киргизский язык стоит уважать только за то, что на нем создан великий эпос Манас.

- К чему это ты клонишь? Хочешь, чтобы я выучил твой язык? Выкуси!

- Невоспитанный ты человек, Юра.

- Ты мне еще мораль читать будешь! – огрызнулся тот. – Дальше-то что? Манас выехал к себе на старую родину...

- Следующим врагом богатыря был хан всей Ферганской долины Алооке. Разведка донесла ему о приближении армии киргизов. Хан собрал 500 тысяч солдат, для того чтобы напугать Манаса количеством. Однако он не стал ввязываться в бой, оставил воинов отдыхать за горными хребтами на привале, а сам с небольшим отрядом поехал навстречу в ставку противника. От грозного вида киргизского богатыря воины хана оторопели и без малейшего сопротивления пропустили противника. Тогда Алооке пошел навстречу Манасу, чтобы просить пощады. И богатырь пощадил его. В дар от хана Манас получил его старшего сына, который впоследствии стал одним из сорока приближенных - чоро Манаса.

- Как это в дар?

- Существовала тогда традиция: потерпевшая сторона могла войти в доверие к победившей стороне, оставив заложника - кого-нибудь из сыновей или дочерей. Правда, таким путем могли выкупить свою жизнь лишь знатные люди. Отсюда многоженство богатырей и ханов.

- И что же в итоге?

- А то, что Андижан был освобожден, – ответил Бек в такт, - Оставалось благодатная долиνα Алай, которую занимал хан Шоорук. Под натиском Манаса и его войско было разгромлено. Шоорук отдал в дар свою дочь Акылай и с ней еще тридцать красивых девушек, на которых женятся воины Манаса. Тут я должен сказать, что пока киргизские войска заняты взятием владений хана Шоорука, хан Алооке, затаив обиду, бежал в Пекин. Поехал он жаловаться своему покровителю, китайскому хану Эсену. По дороге он встречает одного из шестидесяти сыновей – Конгурбая.

- Шестидесяти? А что так мало, может сразу из тысячи? – недоумевал Уста.

- Наивная душа, тогда это было вполне обыденным явлением, - ответил Бек. – Кстати, именно Конгурбай наряду с Эсенем, станет главным противником богатыря Манаса.

- А что этот из конуры делал в Китае?

- Ты прямо кладешь остроумия, Юра. Он учился в Пекине, а встретился с отцом, потому что ехал домой на каникулы.

- Студент значит. Или школьник?

- Скорее первое, ему тогда исполнилось 18 лет.

- И не рано такому юнцу думать о соперничестве с таким мужиком как Манас, которому уже за тридцать перевалило?

- А кто его знает? – ответил Мурза и, промолчав, добавил. – Надо же! Манас был старше его на 14 лет!

- Нет, Конгурбай был на 14 лет моложе его, - возразил Юрий Уста.

8

Бек Мурза шел по Берлину вместе со своим другом Леонардом Линксом. Впереди двигалась стайка молодежи, женщина гуляла с младенцем в коляске, но ни они, ни окружающее благолепие не привлекало внимания Бека. Он смотрел на ворона, сидевшего у обочины дороги. На мгновение птица остановила на Беке свои черные как угли глаза, отчего он машинально кашлянул. Ворон приготовился к взлету. «Погоди, не улетай, - про себя попросил птицу Бек. – Ты что-то знаешь обо мне?» Ворон сложил расправленные крылья и остановил взгляд на Беке.

- Из сорока родов киргизов самым многочисленным был потерянный род Карга. Судьба его трагична. Киргизы из этого рода были истреблены за девяносто девять дней, - продолжил начатый вчера разговор Бек, мысленно все еще находясь под впечатлением от взгляда птицы.

- Давно это было? – поинтересовался у друга Линкс

- Это было во времена, когда жил Ликург – сказал Бек, наблюдая за вороном. - Ликург создал институт спартанского общества. Он был законодателем и блюстителем порядка своего государства, однако рука злоумышленника настигла и его. Молодой римлянин выколол Ликургу глаза.

- Похоже, улицы плохо освещались, - сострил Леонард.

Бек Мурза опять почувствовал внимательный взгляд птицы.

- Отнюдь, Ликург был искалечен посреди бела дня, ну да не об этом речь. Велик был род Карга, лучшие из киргизских земель занимали его члены, от Саянских гор до гор Ала-Тоо, от берегов Байкала до берегов Иссык-Куля.

- Что означает слово Карга, Бек?

- Карга переводится как ворон. В древности у киргизов животные, растения или природные явления служили объектом религиозного поклонения. Такой вид религиозных убеждений, называемый тотемизмом, у многих народов является корневым. Киргизы не только верили в сверхъестественную силу тотема, но и изображали его на своем боевом знамени, шли с его именем на устах в бой и так далее.

- Так почему именно ворон? – спросил Леонард, переступив порог отеля «Элефант», что в Веймаре. – На мой взгляд, не слишком-то почетное название для народа. Пойми меня правильно, у нас испокон веков о воронах сложилось не лучшее мнение. Порой их называют мусорными птицами...

- Есть легенда, где говорится о сущности этой птицы. Ее передал современникам последний киргиз из рода Карга, старик Кесе-чал. По сюжету этой легенды, благодаря вороне киргизы получили землю, реки, свет небесный и многое другое. Карга создала землю, воду, а после людей, животных и растительный мир. Но все созданные ею существа обитали в темноте. Единственным источником света была сама Карга, ее оперение светилось ярче любого огня. Птица не успевала обогреть всех живых существ:

перелетела через хребет – а на другой стороне чахнут деревья и бедствуют люди. Отчаявшись помочь всем, она решила подняться в небо так высоко, чтобы оттуда осветить все жизненное пространство. Сорок ночей прошло, прежде чем достигла Карга небесного купола. Но и под самым сводом неба не мог свет его охватить всю землю. Хотела священная птица подняться выше, но путь ей преградила небесная твердь. Сорок ночей пыталась пробить купол Карга и, наконец, она добилась-таки! Из бреши, пробитой ею, полились яркие пучки солнца – хозяина вселенной! С того мига яркие лучи солнца навсегда изгнали с земли вечные сумерки. От этой затеи больше всех пострадала сама Карга! Солнце безжалостно опалило ее. Ее перья обуглились, почернели, а волшебная сила пропала навсегда, но киргизы по-прежнему чтят ее подвиг.

- Дорогой друг! - начал Леонард в смятении. - Мне кажется это знакомым...

- Такой мотив встречается в устном народном творчестве татарского народа. У них это звучит так:

«Аттим карга

Тошти карга

Карга тоште ак карга^{xvii}»

- Я не об этом. Мне знакома легенда о творце мира в виде птицы.

- Это верно, такая сходная легенда распространена среди народов Центральной Азии, Северной Азии, Северной Америки, даже Австралии. Правда, у них Ворон создает землю после всемирного потопа...

- О чем это может говорить?

- Возможно, между киргизами и индейцами когда-то были тесные связи... притом долгое время. Более того, не исключаю, что у древних киргизов были связи с народами не только Северной Америки, но и с людьми, населявшими острова нынешней Японии. Это может послужить еще одним доказательством того, что киргизы с древних времён в большей степени стремились на Восток, нежели на Запад.

- Да, занятная история, - продолжил беседу Леонард, сидя в гостях у Бека уже в Москве, на улице Рабочей, что в двух остановках от станции метро «Таганская». – Но меня интересует вот что... Как случилось, что весь род Карга в одночасье исчез с лица земли?

- Трагедия эта канула в забвение вместе с ними, – сказал Бек, подавая гостю чистая, как слеза, «Столичную» в мелкой самаркандской пиале. - В те далекие времена люди враждовали по мелочам. Поводом для войны служило, порой, банальное самолюбие. Если верить легенде, род Карга уничтожила междоусобица. Она вспыхнула на почве того, чей род древнее. Древние рода враждовали с молодыми, причем, когда на стариков нападали враги, молодые не вставали на их защиту.

- Как можно всерьез обсуждать такой вопрос, кто появился первым на земле?

- Представителям остальных родов было обидно от понимания того, что чужое тотемное животное создало землю, добыло людям воду, пробило тьму, освободив свет. Особенно болезненно реагировали на это те родовые эпонимы, которые также имели названия, связанные с животными, такие как: Суртайган, Багыш, Бугу, Азыг, Каман, Кушчу, Джору и другие.

- Бек, пожалуйста, не заставляй меня становиться киргизским лингвистом.

- Прости, Лео. Причиной падения Карга послужило равнодушие остальных родов киргизов к своему великому во всех отношениях роду, когда он сражался против своего южного соседа Сю Ю^{xviii} ровно девятью девятью днями и ночами и еще один день. Все представители рода погибли, а остальным родам о них осталась только память в виде традиционного орнамента.

- Что за орнамент? – поинтересовался Леонард.

- Его мы с сыном видим каждое утро. Орнамент в виде птицы с расправленными крыльями. Среди прочей домашней утвари чаще всего его можно увидеть на традиционных киргизских коврах, предназначенных для пола, изготовленных из

разноцветного войлока. Мы называем такой ковер - шырдак. На лицевой стороне он украшен затейливым рисунком. Этот орнамент киргизские мастерицы вырезают не по шаблону, а, ориентируясь на зрительный образ ковров, которые они наблюдают с детства.

- Получается, каждая мастерица вырезает свой рисунок?

- Да. Однако память ей подсказывает обязательные элементы. Моя мать говорила, что каждая деталь на шырдаке имеет свое значение. Например, орнамент Карга на любом шырдаке всегда расположен по самому краю. Мать обычно объясняла мне это тем, что «все мы идем оттуда». Может, она имела в виду древность культа? – задумчиво произнес Бек. – Я склоняюсь к этой версии, ведь легенда старца Кесе-чала представляет ворону как создательницу мира, а значит - самое древнее существо.

- Кстати о старике. Что он был за человек?

- Его судьба трагична, в некотором смысле его можно назвать киргизским Ликургом, - ответил Бек без особого энтузиазма. – Кесе-чал был бездетен и не мог естественным путем иметь наследника. Дабы возродить свой род, он решил собрать всех киргизских сирот, безродных, нищих, обездоленных и стать их отцом...

- Бог мой! – тихо произнес Леонард. – Это мне не чуждо...

Бек удивленно поднял глаза на друга.

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, ты же знаешь, мне продолжить род вряд ли удастся, - Линкс заметно погрузтел. – Хотя мне всегда хотелось иметь достойного наследника, ведь я всегда считал себя сыном великой нации, великих людей...

- Лео - сын Ницше, Гете, Шопенгауэра, Канта, Баха...

- Именно.

- И Гитлера с Геббельсом?

- И их тоже, слова из песни не выкинешь.

- Лео, ты, как и большинство европейцев, рассматриваешь себя с долей космополитизма, тогда как для киргизов «я» – прежде всего часть семьи, для нас отец и мать первичны. После - семеро их предков, затем род, и лишь затем народ. Именно на этом почтении и основана наша любовь к собственному народу.

- Знаешь, хотя мой отец родился в городе Печ, что в Венгрии, и у меня в роду есть венгры, но я остаюсь обыкновенным немцем. Если бы у меня были дети, тогда и они себя называли бы немцами.

Бек Мурза вспомнил супругу Леонарда - прелестную Шарлотту. Она работала в издательстве «Volk und Welt» переводчицей. Леонард жил с женой более двадцати лет, но детей у них не было.

- Великие немцы создавали историю нации, – продолжил Леонард. – И я горд от ощущения хоть какой-то сопричастности к их поступкам, к близости с их потомками. Им Богом дано право быть отцами для всех нас. А мы, - просто их отпрыски, разной степени удачливости. Одним суждено стать отцом в первоначальном смысле, или отцом нации, другим, таким как я, отцовство и великое предназначение не суждено. Но давай вернемся к истории Кесе-чала.

Отрок по имени Айып с раннего утра перешел на солнцепек, чтобы по привычке подточить свой перочинный ножик. После того, как нож приводился в порядок, он заглядывал в какой-нибудь дом. Удостоверившись, что хозяева отсутствуют, Айып забирал понравившиеся ему вещички, еду и прочее.

Однако вот уже несколько дней у воришки не выходила из головы история о золоте рода Карга. По слухам, Кесе-чал наказал хранить его в глубине очага. А каждый член семьи рода Карга охраняет свой очаг как зеницу ока.

Однажды Айып спросил у джигита, оставшегося на ночь охранять огонь:

- А какое оно золото?

- Я ни разу его не видел, - сказал джигит и добавил. – Мне объяснили, что оно, точно, красные угли. Бывает и красное, а бывает и белое. Называется оно Ак алтын.

Джигит кончиком медной кочерги тронул ближайший уголек, а тот зазвенел!

- Байке! - оживился отрок Айып, - Дай-ка мне один уголек.
- Нельзя, - строго сказал караульный. – Кесе-чал запрещает нам трогать его. Мы только охраняем.

- Тебе и не надо трогать его! Можно я сам возьму? – предложил отрок Айып.
- Шел бы ты спать, тебе вообще здесь нельзя находиться, - ответил стражник.
- А можно мне с тобой вместе покараулить тут? Я могу быть хоть до самого утра.
- Нельзя. Ты будешь отвлекать меня разговорами, - ответил джигит. После добавил.
- Есть приказ. Моя задача его выполнять.

Неожиданно около беседующих двоих появился крепко сложенный верзила. Это был старший по караулу. Только увидав Айыпа, он схватил его за шиворот так, что старый тулуп парнишки затрепал по всем швам.

- Что ты тут делаешь? – спросил он строго.
- Греюсь! – испуганно заскулил Айып – Мне нездоровится.

Отрок понимал, что бороться с верзилой бесполезно, будет только хуже. Здоровяк подержал непрошеного гостя в воздухе и, наговорив тому кучу неприятных ругательств, отнес к двери и вышвырнул за порог! Оказавшись на холодной земле, Айып не знал - горевать или радоваться. Лишь перевел дух, как дверь вновь открылась и оттуда вылетела его войлочная шляпа, и больно ударила по лицу.

- Пошел прочь! И не смей здесь больше появляться в поздний час! – послышался из-за порога голос верзилы вдогонку.

Сопровождаемый громким лаем собак, отрок Айып пошел прочь.

Но не прошло и месяца, как отрок повторно залез в дом, где хранилось золото, на этот раз через окно.

В тот день караулил очаг маленький старичок, ростом пониже Айыпа. Отрок поэтому действовал смело: присел у очага, взял в руку медную кочергу, подтолкнул к себе несколько красных угольков и поспешно бросил их в свою шляпу.

Следивший все это время за его действиями старичок спросил:

- Эй, почему ты вошел в дом через окно?

Айып промолчал. Тогда старичок спросил у него:

- Зачем ты кладешь слитки в шляпу?

- Пришел за огоньком^{xix}, - ответил отрок.

- А где твой совок?

- Мне надо бежать, срочно! – бросил смущенный воришка.

- Дверь тут, за твоей спиной, - указал старичок.

Айып пошел было к выходу, но тут его шляпа загорелась. Жар обжег вору руки, и он уронил шляпу.

Шум около очага разбудил старого знакомого Айыпа. Верзила, выкинувший его из дома в тот злополучный вечер, появился в помещении и сразу взревел:

- На воре и шапка горит! Он украл золото рода!

Но незадачливому воришке было не до здоровяка – он боролся со своим горящим рукавом.

Старичок, нагнувшись, зачерпнул медным ковшом воды из деревянного ведра, и плеснул на горящего отрока. Огонь не присмирел, и тогда старичок окатил его прямо из ведра.

- Говорил я тебе, чтоб духу твоего здесь не было? – с угрозой в голосе верзила пошел прямо на потупившегося парня.

Неожиданно за вора заступился старичок:

- Не трогай сироту, нет в этом чести, - сказал он.

Верзила опустил занесенный над головой Айыпа кулак, а сам отрок запомнил, что к старичку тут прислушиваются.

Тем временем у очага собралась толпа людей. Встревоженные жители общины галдели, осуждая появление среди ночи непрошеного гостя.

- Почтенный Кесе, - обратился к старичку верзила. – Этот малый не только вор, но и обманщик! Он не первый раз попадает мне в руки. Дайте мне его, я ему все ребра переломаяю, и он больше не будет такие дела выделывать.

-Ай-ай! Ай-ай! – успокаивал его старик. – Зло всегда рядом с человеком находится, предотвращать его удел не каждого. Успокойся сын, алтын оказался в огне, он его не смог унести.

Здоровяк медным совком подобрал слитки, которые хотел вынести Айып, и остудил их, облив холодной водой. Все окружающие увидели крупные, с кулак младенца, блестящие слитки золота. Верзила поднял их вместе с остатками шляпы и передал старцу Кесе-чал. А он, взяв в руки, произнес:

- Мальчик не знает, что все людские беды от этого металла. Желтый металл для него – игрушка, вряд ли он в нем видел ценность. Нет в этом вины его.

Вокруг очага все притихли. Старец Кесе швырнул слитки золота вместе со шляпой отрока в горящий очаг. Собравшиеся люди разошлись, а старичок обратился к Айыпу:

- Оставлю тебя у себя. Без отцовской заботы человеком не станешь. Горы и долины не дают мужчине жизненных навыков.

9

Не понравились парню слова старика. Привык он к вольной жизни, и не хотелось ему бросать бродяжничество. Однако, поразмыслив, он решил, что если останется, то сможет все-таки украсть золото из очага.

Оправившись от страха, вор вспомнил, что верзила называл старика Кесе. Это рассмешило Айыпа, ведь «кесе» называют тех мужчин, у кого нет растительности на щеках и подбородке. На лице старика действительно не было ни волоска, к тому же на вид он казался самым хилым и маленьким из всех здешних людей. Ростом он был с самого Айыпа.

Кесе родился недоношенным, с мужскими и женскими половыми признаками. Воспитывался он, однако, в мальчишеской среде. Несмотря на хилое телосложение, Кесе обладал отменным здоровьем, правда была у него слабость - панически боялся любого острого предмета. Ему удалось пережить своих родителей, близких, а затем и всех остальных представителей рода Карга. Состарился Умут, как его называли родители, что означает Надежда. Забылось его настоящее имя. Вместо этого все окружающие стали величать его Кесе-чал.

- У нас у обоих пятки черные^{xx}, оба мы бедняки, - начал старичок издали. – Тебе нужен домашний уют. А мне нужна семья. Чем ты мне не сын?

- А где твоя семья? – намеренно грубо спросил Айып.

- В могиле! - ответил старичок. - Разве тебе это интересно?

- Мне все интересно, - отрезал вор.

- Тогда слушай, - нехотя начал старичок. - Женился я не по своей воле, бросила меня жена. Теперь живу один. Собираю бесприютных и нищих.

- На кой черт?

- Хочу сделать из них свой род, - серьезно ответил Кесе-чал. – Они продолжают род Карга. Будешь одним из них?

- Да будет тебе! – нагло рассмеялся Айып. – Тут и без меня полно народу!

- Людей много не бывает. Тебе показалось.

- Да ты уже одной ногой в могиле! – еще более дерзко выпалил Айып. – Думай о себе.

- Умереть – не главное в жизни человека, - мирно сказал Кесе-чал. – Вырастить человека – вот достойное дело, которое я сделал целью всей жизни.

Айып слушал Кесе вполуха, у него перед глазами стоял очаг с золотом.

- Выйду, погуляю тут поблизости, - бросил он и попытался выйти.

Но дверь на улицу оказалась заперта снаружи. Айып навалился на нее всем телом, затем начал бить в нее плечом. Неожиданно дверь резко отворилась и отбросила воришку на пол. В проеме показался уже знакомый Айыпу верзила. Здоровяк также узнал мальчишку и набросился на него.

- Ах ты, воруга! Ну, держись, не понимаешь по-хорошему, так я тебе сейчас руки-ноги переломаю!

- Я его пальцем не тронул! Аксакал, разве вас я обидел?- заныл Айып.

Кесе промолчал. Тогда верзила так же быстро, как появился, скрылся за дверью. А старик, как ни в чем не бывало, продолжил свой рассказ.

- От тебя требуется немного: называть меня ата – отец и жить рядом со мной. Все остальное в твоей жизни пойдет само собой.

- Ладно-ладно. Расскажи мне про род Карга, - с деланным интересом спросил отрок.

- Нас было немало, скорее даже мы были многочисленны. Одних конных воинов у рода Карга было около миллиона.

- Наверное, тяжело управлять такой оравой людей?

- Напротив.

- Что-то не пойму. Как же так?

- Миллионами людей можно управлять при помощи законов. Когда имеешь дело с десятками, приходится находить общий язык с каждым. У нашего государства был свой неписанный свод законов. Его знал назубок каждый гражданин. В нем был тридцать один пункт. Тридцать пунктов касались всех граждан Карга, а один – только царя.

- И какие же?

- Например, «Кто много: народ или ты?»^{xxi} и другие.

- Странно как-то, - рассуждал отрок вслух. – Устному закону верили как писанному? И по нему правили страной?

- Ты там не жил, и тебе кажется странным, - ответил старец Кесе, по возможности объясняя доходчиво. – У нас существовала Верховная власть, избранная гражданами - сорок аксакалов. Люди это были уважаемые, доказавшие свою честность, на их слово полагались все. Называлось их объединение «Улуу Кенеш». Собрания проводились раз в три недели. Обсуждали любые дела и там же выносили решения. А когда была необходимость разрешить большие вопросы, в первую очередь, как наладить контакт с соседними странами или избрать царя - созывали всех граждан на большое собрание. В нем принимали участие все достигшие двадцати лет мужчины. Каждый бросал в чанач^{xxii} камушки, с помощью которых определяли того или иного человека на какую-нибудь должность - место в политической иерархии страны. С воспитанием детей у каргинцев был строго. Все, кто жили в аиле, были опекунами и воспитателями каждого ребенка. С девяти лет мальчиков воспитывали отдельно от родителей. До двадцати лет они, в основном, помогали воинам. Убирали конюшни, пасли коней, отвечали за сохранность оружия, седлали коней, несли дежурство, следя за порядком...

- А будь я среди них, стоял бы сейчас в карауле у очага?

- Нет, из тебя вышел бы подпасок, - беззлобно заметил старичок.

- А может я постою сегодня все-таки у очага, как они? – спросил Айып, все еще представляя золото в золе очага.

- В караул ставят тех, кому доверяют, - с раздражением в голосе бросил старичок. – Ведь золото и серебро находятся у рода Карга вне закона. Эти металлы, приносившие роду бесчисленные страдания, решением собрания - Кенеша - были удалены из оборота навсегда. С тех пор их презирает любой Карга, поэтому мы держим их вместе с золой.

- А почему ты остался один? – спросил Айып грубо. - Кто истребил ваш род?

- Не обижайся, мой сын, но я не расскажу тебе об этом.

Они с минуту помолчали, и после Кесе-чал спросил вора:

- В этой суете, я даже не спросил твоего имени?

- Айып мне зовут, - ответил отрок.

- Мать, отца помнишь?
- Не-е... - сказал Айып, спокойным голосом. - Я сирота.
- Нет, это не так, - сказал старичок. - С этого дня ты мне сын.
- Ничей я! – возразил воришка и широко зевнул.

- Не можешь ты быть ничьим! – возразил старец. – Мы с тобой из одного теста слеплены. Мы – киргизы. Ты будешь продолжателем древнейшего и славного рода Карга.

- Говорю же, безродный я! – твердил отрок.

Неожиданно на пороге появилась миловидная девушка. В руках у неё был черный поднос, а на нем большие пиалы с супом, кусочками вареного мяса, хлеб и горячий чай в двух маленьких чайниках и набат.

Отрок съел свою порцию с удовольствием. Старец пил только чай.

- Киргизы выбирают воинов по аппетиту, - сказал Кесе-чал. – Можешь и мою долю взять, я не голоден.

Айып съел и пищу старика подчистую.

Поев, он притих, в расчете на то, что после ночного караула старик заснет. И в самом деле, Кесе-чал через некоторое время уснул.

Отрок тихо вышел на улицу и направился в дом, где в золе были спрятаны золотые слитки. У очага никого не было, хотя огонь был большой. Айып, достав щипцы, начал шарить в золе, но тут, откуда не возьмись, с разных сторон к нему подлетели два рослых джигита, телосложением напоминавшие знакомого ему верзилу. Один подхватил отрока слева, другой - справа, да так, что ноги Айыпа не касались пола.

- Попался! – рывкнул один из них.
- Ну, сейчас ты у нас получишь! – зло крикнул другой.
- А что мы скажем Кесе-чал? – спросил первый джигит.

- Так и скажем, что он наказан, - уверенным голосом ответил второй. – Спроси этого вора, какое наказание ему нравится?

- Тебе горькую или сладкую меру назначить? – загадочно спросил тот у Айыпа.

- Я больше не буду, - начал всхлипывать он.

- Давай сладкое наказание, - скомандовал первый джигит.

И оба тут же стали щекотать отрока. Айыпу ничего не оставалось, кроме как истерично хохотать и просить пощады. Но те продолжали щекотать. Не прошло и минуты, как у Айыпа брызнули из глаз слезы, хотя он продолжал хохотать. Дыхание перехватывало, губы стали синими. Глаза вылупились, готовые выскочить из орбит. Лишь когда у него уже не было сил, чтобы смеяться, джигиты оставили его в покое. Чтобы привести Айыпа в чувство, джигиты опрокинули на него воду из рядом стоящего деревянного ведра и удалились. Заметно ослабевший и насквозь мокрый от такой процедуры отрок, с большим трудом встал с места и, подойдя к очагу, так там и остался, чтобы просушить одежду.

После этого случая Айып понял, что украсть золото из очага рода Карга непросто, поэтому оставил эти попытки. Жилось ему беззаботно. Ел, когда хотелось, спал, сколько хотелось. Кесе-чал его опекал. Каждое утро начиналось с зазубривания очередного из тридцати пунктов свода закона некогда существовавшего рода Карга. После уйма времени уходила на его объяснение.

Позже Айып узнал, что здешние люди не из рода Карга, они называли себя каргадай – подобные каргинцам. Все они по своей воле служили одному Кесе – единственному продолжателю рода Карга. Пришли эти люди к нему разными путями, но все после долгих скитаний и несчастий. Почти каждый из них где-то совершил преступление и был изгнан за это из своего рода. Кесе-чал принимал всех, кто приходил к нему. Время от времени он стал сам ездить по айлам и забирать с собой сирот, чтобы также сделать их каргадайцами.

Однажды летом Кесе-чал объявил, что необходимо выехать из аила, чтобы подобрать новых членов общины. Утром каргадайцы вместе с Кесе выехали в путь. С собой взрослые мужчины взяли несколько подростков (среди которых был и Айып) для того, чтобы ночью охраняли лошадей.

Объехав несколько аилов, расположенных в долине Чештюбе, к вечеру остановились они на привал в аиле Желтое ущелье. Бай, он же глава аила Желтое ущелье, встретил непрошенных гостей по-доброму, в отличие от простых людей, поднявших Кесе с его намерениями на смех. Он угостил их ужином, а когда пришло время сна, каргадайцев разделили по разным семьям аила.

Айып с еще тремя парнями вышли смотреть за лошадьми. Договорились, что будут следить за скотом с четырех сторон. Когда луна поднялась из-за северных гор, вокруг стало видно как днем.

Вместо того чтобы смотреть за лошадьми, Айып решительно направился к юрте, где спала большая семья бая. Весь вечер он не мог думать ни о чем, кроме кованого сундука бая. Впервые он заметил сундук, когда вместе со всеми вошел в широченную байскую юрту, и вот теперь намеревался порыться в чужом добре. В юрте бая спал и Кесе-чал, как почетный гость рода Карга. Не создавая лишнего шума, Айып проник внутрь юрты. Также тихо подошел он к кованому сундуку, достал из кармана перочинный ножик и без труда открыл байский сундук. Ощупью нашел жамбы^{xxiii} - серебряные слитки в виде фигур. Взял один и засунул за пазуху, потом и другой отправил туда же.

Вышел Айып на улицу, а на пороге столкнулся нос к носу с байской охраной! Попытался воришка скрыться бегством, но не тут то было: шустрыми оказались охранники бая. От вскриков Айыпа и возни, пытавшихся его скрутить джигитов проснулся весь аил. Люди высыпали на улицу, окружив юрту бая.

По народному адату за первую кражу вору отрубали правую руку до локтя и оставляли в аиле, где проворовался, пасти скот бая на всю оставшуюся жизнь.

- Кто знает этого вора? – спросил бай аила Желтое ущелье.

- Ай-ай! Бай! – робко заявил Кесе-чал. – Мы его перевоспитываем. Он - наш.

Вокруг замолчали, лишь отрок плакал в голос. Тогда бай обратился с этим же вопросом еще:

- У кого он что стащил?

- Ай-ай! Бай! Прости мальчика, - выдавил Кесе-чал.

- Простите, милостивый бай-аке, я первый раз взял чужое, - в голос плакал Айып.

- Да уж, здесь ты точно действительно взял чужое впервые, - с кривой улыбкой сказал бай. – Из какого ты рода?

- Безродный я, - сходу ответил Айып.

- Ай-ай! Так нельзя, - поправил его Кесе-чал. – Ты мой сын. Забыл?

Услышав это, окружающие разразились смехом. Бай же продолжил:

- Учитывая его малый возраст, по локоть ему отрубать руку не будем, отсечем только пятерню.

- Пусть видят все, что их ждет за воровство! – крикнул кто-то из толпы.

- Ай-ай! Бай, пожалейте меня, - сказал Кесе-чал.

- Приговор привести в исполнение до рассвета, - добавил бай.

Джигиты из охраны бая стали готовить место для отсечения руки Айыпа. Притащили чурбан, в который был уже вбит топор. Также приготовили войлочную рукавицу - для того, чтобы после закопать отсеченную руку в землю.

Наступило гробовое молчание. Все ждали суда. Тогда вновь подал голос Кесе-чал:

- Люди добрые, дайте мне сказать пару слов, - обратился старец ко всем. – Этот малый мне не родной, но я хочу сделать из него достойного человека. Все каргадайцы ответственны перед ним. И вы тоже, потому как все мы киргизы. Он еще не созрел для благих дел. Как говорят, молодая пора, значит, словно опиём обкуренная. Каждый взрослый помнит, какая у него была в молодости горячая голова. Бай мой, дай мне на этот раз свои обиды. Будь снисходительным к моему сыну. Оставь ему руку.

- Почтенный Кесе, выходец из рода Карга, понимаю твою озабоченность, однако адат этот придумал не я. У попавшегося вора отсекают правую руку, при повторной краже - левую, если пойдет на это преступление и в третий раз - голову! Этот адат всеобщий и отступить от него, значит пойти навстречу преступнику. Почтенный старец Кесе, эта процедура пойдет ему на пользу.

- Не бывают уста не ошибающиеся, не бывают копыта не спотыкающиеся.

- Может ли собака, лакавшая из чужой миски, забыть этот вкус?

- Если он не понял сегодня своей вины, то Тенгрим его накажет.

- Твои седые волосы, аксакал Кесе, делают меня уступчивым. У меня нет на тебя зла, - сказал бай. – Можешь увести своего приёмьша, но сначала ему отрубят пятерню.

Джигиты бая, схватив трясущегося от страха отрока, завязали ему рот и глаза. После, взяв его под руки, волоком дотащили до чурбана. Трое удерживали его, а четвертый держал руку отрока над чурбаном. Сверкнул топор над головой джигита при лунном свете. Увидев лезвие, Кесе-чал испытал прилив страха и упал в обморок на мгновение раньше, чем послышался глухой удар, и жуткий вой отрока огласил окрестности.

Местный знахарь взял из очага золу арчи, кусок войлока и жгут, сделанный из кожи барана, чтобы остановить кровь из раны, иначе Айып мог умереть от потери крови. Зеваки стояли тихо и смотрели, а знахарь колдовал над рукой Айыпа, который, потеряв сознание от страха и боли, лежал смиренно.

После этого случая Кесе-чал прервал путешествие. Каргадайцы обескуражены случившимся. Предыдущие поездки длились от нескольких недель до полугода, и каждый раз они возвращались с десятками новых каргадайцев.

- Привез из этого странствия своего сына, - сказал старец Кесе жителям общины. - Его чуть было не оставили в заложниках в аиле Желтое ущелье за его проступок. Руку его не смог защитить, но хотя бы отпустили домой. Надобно принести жертвоприношение. Пусть будет это коза с белой шерстью и желтой головой. Да поможет нам Тенгрим!

Возвращение с полдороги считается плохой приметой. Тревожно было каргадайцам, но исполнили они желание Кесе-чала беспрекословно.

Ближе к осени Айып выздоровел, рана на руке затянулась. Работать одной левой рукой оказалось трудной, но все же выполнимой задачей. Айып даже начал перочинным ножиком сбривать пушок на подбородке.

Однажды утром Айып перед зеркалом принялся за бритве. Краем глаза заметил он Кесе, вошедшего в комнату. Неожиданно старик весь съежился от страха. Айып заметил, что Кесе напугал его перочинный ножик! Вор, воспользовавшись слабостью старика, решил овладеть золотом! Решительно направился он с ножом по направлению к Кесе. В ужасе старец упал на колени.

- Что ты делаешь, Айып?! – подавленно пробормотал Кесе-чал.

- Алтын! Скажи караульному, чтобы мне не мешали взять из очага! – требовал отрок уверенным голосом.

По мере приближения Айыпа он то бледнел, то краснел. Когда Айып подошел вплотную, Кесе-чал взял с крючка свою камчу – плётку и, протянул вору со словами:

- Покажешь это, и они подпустят тебя к очагу, - сказал Кесе, боясь поднять глаза на нож.

- Погоня будет? – с угрозой в голосе спросил Айып.

- Нет! Скажу всем, чтоб тебя оставили в покое!

- Скажи сейчас.

- Пошли.

- Не-е... Ты останешься тут, - сказал однорукий отрок. – Скажу, что ты меня послал за золотом.

- Да, так скажи.

- А ты ляг на пол и не шевелись! – крикнул вор и, встав над тут же упавшим навзничь стариком, приставил лезвие ножа к его горлу.- Ну-ка! Ну-ка!

- Не делай этого! Сын мой! Я добра тебе желаю! То, что твои родители отвернулись от тебя, было ошибкой! Нашей ошибкой! Айып, все будет хорошо, не губи отца своего!

- Я только попробую. Тихонько...- шептал отрок, все ближе придвигая лезвие ножа к горлу старика.

- Неблагодарный! – бормотал Кесе. - Будь проклят!

Вдруг Айып заметил, что от штанины Кесе-чала по полу растекается жидкость. Лужа расширялась, однако сам старик затих. Как только лезвие ножа коснулось кожи старика, он лишь тихо прохрипел:

- На помощь! Убивают!

Айып не отступал. У старичка по всему телу прошла дрожь. Судороги Кесе били нешуточные. Через некоторое время он совсем затих.

Слегка напуганный от всего этого отрок, некоторое время стоял рядом с телом Кесе-чала. Глаза старика были широко открыты, взгляд, казалось, спрашивал его: «За что?». Стоял он столько, что за это время можно было вскипятить воду в котле. Лишь тогда понял убийца, что сделал непоправимое. Ладонью закрыл он веки старичка, одновременно сложил лезвие перочинного ножика и убрал его в боковой карман.

- Теперь могу идти, куда хочу, - сказал Айып себе в утешение. – Тенгрим меня создал для того, чтобы я был всегда свободным. Чтобы я был сам себе хозяином.

Старый вор всю ночь обращался к Тенгри, чтобы с утра на небе появилось солнце без облаков. Надо было слегка согреть поясницу, ломота всю ночь не давала сомкнуть глаза. Утром небо было ясное, солнце выглянуло из-за гор багровым светом. Одиноким старец вышел из своей покосившейся лачуги, стоявшей на окраине айла, нашел удобное местечко и опустил на колени, подставив спину солнцу. Через некоторое время он почувствовал, как по больной пояснице разливается тепло от солнечных лучей. Зажмурив глаза от удовольствия, старый вор застыл как изваяние. Когда он открыл глаза, то увидел спину уходящего Айыпа. Странно было видеть его в такую рань одного.

11

В общежитии Литературного института в 76 комнате с утра сидели будущие поэт и переводчик. В тот день горком комсомола проводил на Пушкинской площади митинг в поддержку вьетнамского народа, борющегося с американскими империалистами. Занятия отменили, все студенты ушли митинговать, однако ни Бек Мурза, ни Юрий Уста к толпе не присоединились. Друзья читали западную классику, а ближе к полудню кубанский казак предложил сыну Ала-Тоо продолжить уроки Манаса.

- Будь ты порасторопнее, за это время выучил бы киргизский язык, - сказал Бек.

- В СССР обитают кроме киргизов полно народов, все языки не переучишь! – возразил Юрий. – Нет уж! Обойдусь русским.

- Все младшие братья русских знают русский не хуже тебя. А ты, старший среди нас, узнаешь великое произведение киргизов из уст сокурсника...

- Не уговаривай, Бек. Русский язык вечен. А в великие реки стекаться должны мелкие. Это аксиома. Русскому языку суждено быть могучим, дающим поддержку всем и всегда. Так что забудем об этом, лучше расскажи, есть ли у Манаса равный ему противник или он всемогущ? – спросил студент Юрий.

- У великого богатыря Манаса был главный противник – великий воин Конгурбай. Был, среди прочих, у Манаса и соратник, почти равный ему по силе, богатырь Алмамбет. Что интересно, они оба были выходцами из враждующих с киргизами народов: Алмамбет – сын китайского военачальника, Конгурбай – один из шестидесяти сыновей калмыцкого хана Алооке.

- А сколько было сподвижников у Манаса?
- Я же тебе говорил - сорок чоро. Давай посчитаем: Кошой, Бакай, Алмамбет, Чубак, Сыргак...
- Аллах с ними. Не тяни резину, пошли дальше.
- Сам постоянно отвлекаешь меня нелепыми вопросами, а потом еще и подгоняешь.
- Не занудствуй. Лучше объясни мне, как мог буддист Алмамбет спокойно сосуществовать с мусульманином Манасом.
- Не все так просто, Юра. Алмамбет не был буддистом, более того, он был самым ярким мусульманином из всей свиты Манаса. Да и ислам в эпосе исповедуется не так широко, как язычество или тенгрианство.
- И как же Алмамбет докатился до такой жизни?
- Дело в том, что Алмамбет был поздним ребенком. Отец его, как и все семейство, исповедовал буддизм, - начал свой рассказ Бек. - Для кормления младенца пригласили женщину дунганку.
- Что еще за дунганка?
- Дунгане - те же китайцы, только мусульмане, - ответил Бек Мурза. - Именно кормилица и внушила будущему герою жить по вере ислама. Этот эпизод, кстати, оспаривается манасоведами, как позднее привнесение. Связано это с тем, что сюжетная линия Алмамбета не сходится с общей тканью произведения, именно в ее пределах заметна натянутость и малоубедительность. Так, Алмамбет встречается во время охоты с казахским богатырем Кокче. Тот рассказывает об основах мусульманской религии. Хотя его рассказ длится три дня и три ночи, но даже этого времени Кокче не могло хватить, чтобы обучить Алмамбета основам ислама. Тем не менее, Алмамбет после этой беседы принимает ислам. Более того, он по возвращении домой в Пекин уговаривает своих родителей, чтобы и те приняли ислам. Родители отречься от буддизма не решились, а отец и вовсе приказал убить сына. Алмамбет бежит из дома.
- Что неувидительно, - съязвил Уста.
- Надо заметить, что в детстве Алмамбета окружало все самое лучшее, как и подобает сыну высокого китайского военачальника, - продолжил Бек, пропустив ехидный комментарий мимо ушей. - В юношеском возрасте он в совершенстве овладел военным делом и чародейством. После окончания учебы отец назначил сына на свое место, на должность правителя над соседними землями, а также главнокомандующего войск всего Китая^{xxiv}.
- И он отказался от такой малины? С чего это?
- Первопричиной было принятие им ислама.
- Малоубедительно, - с сомнением в голосе отметил Юрий. - Впрочем, ладно. Ну и как встретил беглеца Манас?
- Киргизский богатырь был рад гостю и устроил пышный прием. Неожиданно у матери великого богатыря в груди появилось молоко, что само по себе считается добрым знаком. Поэтому она кормит одной грудью Алмамбета, другой – Манаса. Так состоялось их братание.
- Мужуку за тридцать, а мамину титьку сосет! – рывкнул студент Уста. – Что за бредни?!
- В том-то сила эпоса, что в нем сохранены некоторые исчезнувшие бесследно древние традиции. Откровенно говоря, когда услышал из уст манасчи это место, я тоже задался тем же вопросом. Но после понял, что адат этот, скорее всего, имеет корни в языческих временах. Достаточно взять у кого-то младенца и покормить его своей грудью вместе со своим ребенком, и те становятся молочными братьями или сестрами или как их называют в народе «эмчектеш». В дальнейшем они связаны родственными узами до гроба.
- С меня достаточно этих рассказней, - буркнул Юрий и вышел из комнаты.
- Ты что? – обиженно бросил ему вслед Бек, но будущий поэт ничего ему не ответил.

- Ты не раз упоминал жен Манаса, причем все время разных... – спросил как-то Бека студент Юрий Уста.

- Это нормальная практика для феодального общества, - ответил ему студент Бек Мурза. – Правда, у Манаса жены были «трофейные». Например, Карабёрк и Акылай были дочерьми ханов, с которыми Манас скрестил мечи. А после поражения эти правители в знак покорности отдали Манасу самых любимых дочерей, связав свои жизни с жизнью Манаса родственными узами. Однако киргизский богатырь мечтает жениться по любви. По этой причине он упрекает отца за то, что тот «не совершил обряда сватовства. Джакып соглашается с сыном и едет искать ему невесту. Вот маршрут, по которому скитался отец Манаса в поисках достойной герою девушки: Самарканд, Ура-Тюбе, через реку Сыр-Дарья, далее города - Ташкент, Хива, Бухара, Кейип. Последнее скорее местное название, потому как сейчас населенного пункта с таким названием нет. Однако бай Джакып нашел будущую жену Манаса именно в Кейипе.

- Как ее звали? – спросил Юрий Уста.

- Девичье имя ее Санирабига, - сказал Бек Мурза. – Ее в народе зовут тремя именами. Из них самое устойчивое – Каныкей. Сам Манас использовал в основном уменьшительно-ласкательные формы - Рабига, Саани, Сани.

- Соня, значит - сказал Юрий. – А зачем же ее звали Каныкей?

- Обращаться по имени к жене богоподобного богатыря Манаса никто не осмеливался.

- А что значит «Каныкей»?

- В переводе с киргизского языка – «девушка, выданная за хана».

- А нельзя ли было просто звать ее, как у русских - царица? Или, например, десятая жена, если она была десятой по счету,- ухмыльнулся Юрий.

- Груб ты, Юрий – сын Уста! – рассержено оборвал товарища Бек.

- Так и тебе предлагаю. Быть грубым и невоспитанным - это мило и просто.

- Как-нибудь в другой раз, - ответил Бек. – Джакып вел в Кейипе предварительные переговоры, позже появилась там целая делегация во главе с самим Манасом, которая привезла за невесту калым.

- Да-да, знаю, калым – это такой выкуп... - сказал Юрий.

- Да помолчи же! – прикрикнул окончательно рассерженный Бек. – Еще одно слово - и пойдешь за хлебом!

В студенческом общежитии друзья ходили за хлебом по очереди, но если кто-то совершал какой-либо проступок, его посылали в магазин вне очереди.

- Эко ты разбушевался, - ответил Юрий.- Ладно, мы в городе Кейпе, Кыйиве, словом, в Киеве. Киргизы привезли калым за невестку Соню...

- Богатыря сопровождали сорок чоро. Вторые сутки они отдыхают в Кейипе, а невесту еще не привели к жениху. Тогда Манас, нарушив традицию, без сопровождения кого-либо, заходит во дворец Санирабиги. А она, возмущаясь его бестактностью, говорит:

«Если у киргизов ты – Манас,
То в Кыйбе я – Рабийга...^{xxv}»

Угрожая кинжалом, Санирабига требует, чтобы он ушел. Манас пытается отнять кинжал и Сани ранит богатыря. Оттолкнув девушку, в гневе выходит Манас из дворца и разворачивает войско против сил отца невесты.

- Конечно, он разбил войско тестя и завладел невестой Соней, - вставил Уста.

- Мимо, - ответил Бек. – Манаса с большим трудом, но все-таки смогла успокоить сама Рабига. Девушка понравилась Манасу с первого взгляда, и после мы видим, что в каких бы чувствах герой ни пребывал, о любви он не забывает, и к мнению Сани всегда прислушивается.

- Чудесно! – заметил Юрий Уста.

- Не спеши, - сказал Бек Мурза. – После стычки между молодыми, сваты стали осторожны и решили перестраховаться. Всех гостей расселили по разным домам. Манаса также пригласили в построенный для него дворец. Однако прислуга, прикрепленная к жилищу богатыря, не осмеливалась даже войти к нему, так как грозный вид Манаса нагонял страх на любого, кто приближался к нему. В результате Манас ничего не ел и не пил ровно два дня. Через два дня его сорок чоро во главе с Бакаем решили провести его. Тут все обиды богатырь обрушил на них.

- Что значит «обрушил»? – спросил Юрий Уста. – Накричал и послал за продуктами?

- Если бы! Он в прямом смысле надавал тумачов своим товарищам, которые были сами, кстати, не робкого десятка! После Манас сгоряча решается во второй раз выступить против отца невесты.

- Да уж, пара деньков на диете - это бесспорный повод для войны! – сострил Юрий.

- Если бы не Санирабига, - ответил Бек. – Она спасает свой народ вторично, взяв всю вину на себя.

- Смышленная девица. Но довольно о ней. Лучше расскажи, что за люди эти его сорок сподвижников.

- Хороший вопрос. Порою создается впечатление, что не будь этого малого окружения, киргизскому богатырю делать было нечего. Каждый сам по себе отменный богатырь. В народе не меньше Манаса любят Бакая, Кошоя, Алмамбета, Чубака, Сыргака и многих других. Мне кажется, что они представляли сорок родов киргизов.

Во время свадьбы Манаса, они, кстати, тоже обвенчались с сорока девушками - нукер кыз^{xxvi} Санирабиги. Торжество длилось ровно месяц и десять дней. Быстро. Сколько это дней?

- Сорок, - подумав секунду, ответил Юрий,

- «Хор» - жалко, а «уд» можно смело ставить, - сказал Бек.

- Свой «уд» можешь засунуть себе туда, где не светит солнце! – кинул Юрий.

- Между прочим, за хлебом идти тебе, - сказал твердо Бек.

- Давай деньги! – буркнул будущий поэт. – Если футуризм Маяковского останется не понятным, то виноват будешь ты, точнее твой аппетит.

- Здесь только на буханку серого и пачку чая.

- Бек, добавь еще на пузырь! Тебе, что, жалко?

- Не дотянем до стипендии, - сказал Бек.

Дальше спорить с Юрой было бесполезно, а полчаса ругани в планы Бека не входили. Выхватив из рук Уста, потертые советские монеты он тут же решительным шагом вышел из комнаты.

Уста рухнул на кровать, но не успел даже толком впасть в дрему, как прозвучал голос вернувшегося Бека, рассуждавший о полезной и бесполезной еде. Это означало, что из магазина он вернулся с выпивкой. Далее он спокойным голосом объявил:

- Считай, что сегодня у нас пир! – и поставил бутылку виски «White Horse» на стол. – Свободно продается. Собрал все свои гонорары и купил. Попробуем пойло западников!

- Начнем дегустацию! – побряхтывая, заявил Юрий, удивленно покрутил в руке бутылку и поставил обратно на стол. – Посмотрим, что за зверь. Наливай!

- Скажу, тебе, Юрий, - добавил Бек, – у киргизов существует поговорка: «Как поминки по Кокетею».

- Когда на стол подается заморское виски - никаких поминок. По нашим меркам, это всего лишь крепленое вино.

- Данное определение дается, когда пир по своему размаху становится грандиозным, небывалым, событийным.

- Наливай полный, - сказал Юра и протянул свой граненый стакан, который он держал все время под кроватью. – Насчет «небывалости» не знаю, но попробовать на зубок надо.

- Эту «иностранку» западные люди пьют каждый день, а мы увидели впервые. Чем не событие?

Будущий поэт залпом осушил свой стакан, после чего с перехваченным дыханием он несколько секунд замолк, побагровел и шумно вдохнул.

- Плесни еще. Пошло, пошло! Как хорошо, а?! До краев, давай! – торопил Юрий Бека.

- Мне-то оставь, - с деланной обидой сказал Бек.

- Эту бяку надо допить мне, - сказал Юрий Уста. – Тебе лучше пить чача, саке или кумыс.

- «Восток есть восток, запад есть запад, им никогда не сойтись»?

- Точно. Согласен я с Кипплингом в этом вопросе.

- Не понимаю я тебя, Юра. Почему тогда ты так интересуешься «Манасом»? Он ведь пока не переведен на русский язык.

- Заполняю свое духовное пространство. Я – Юрий Уста, а не Велимир Хлебников! Разница между нами в том, что Велимир никогда не открыл бы для себя ваш «Манас», а я смогу!

- Ты, Юра конечно «могущий!» и могучий. Это, считай, я сам себе рассказываю. Ведь не каждый киргиз разбирается в поминках по Кокетею. Величие эпоса в том, что его видит каждый киргиз, и в то же время его никто толком не понимает. Это как айсберг, большая часть которого находится под водой.

- Ух! Как жжет! Хорошо! – встрепенулся Юрий и добавил. – Начинай, Бек! Манас! Поехали!

13

- Поистине эпохальными были поминки по Кокетею, одному из соратников богатыря. В этой части эпоса мы видим, по сути дела, этнографический срез киргизов того времени.

- Бек, ты ушел совсем «не в ту степь», как говорит профессор Артамонов, давай поближе к теме, - заметил Юрий. – Давай о самих поминках.

- Дай мне сказать свою мысль, так как я хочу, - огрызнулся Бек. - Поминки по Кокетею организовал его сын, Бокмурун с благословения Манаса. Ведь Кокетей в свое время одним из первых поддержал поход Манаса на историческую родину. С тех пор богатырь и богач стали друзьями. Ну, а среди прочих целей богатырь хотел показать всему миру военную мощь киргизов.

- Да? И как бы об этом узнал весь мир? - спросил Юрий.

- Очень просто. Среди приглашенных гостей на поминки были и заклятые враги Манаса. Причем в их приглашениях имелись специальные предупреждения: если не явитесь на поминки, будете уничтожены.

- Хорош! Слушай мою команду! На поминки шагом марш! – прогорланил сквозь смех Юрий Уста.

- Смех смехом, а пригласили даже Конгурбая, извечного врага Манаса. Звучит это так:

«Пусть приедет на эти поминки, скажи,
Если на эти поминки не приедет он,
Пусть знает, что попадет в беду!
Будет обобрана его бахча,
Будут срублены все его сады,
Бая (Кокетей) сын Бокмурун
Не даст покоя ему.
Весенние дни его в осень превратит,

Разнесет стога, в пыль превратит.
 Крепость его спалит, в прах превратит,
 Святыни его осквернит,
 Всех их уничтожит он,
 Тыйтаев его начисто истребит,
 Поистине все перевернет вверх дном^{xxvii}»),

- Хорошо, ну а как эти приглашения рассылали?
 - Их разносил гонец, Айдар, который знал около 60 языков. По этой причине его выбрали для такой ответственной задачи.

- Впечатляет. Итак, приглашены гости из разных стран...

- Каждая делегация прибыла с лучшими представителями своих военных формирований, - продолжил Бек. – Некоторых военачальников сопровождали до тысячи воинов. Каждый из гостей прибывших хотел, чтоб именно его подопечные победили на соревнованиях, проводимых на поминках. Сейчас бы это мероприятие могли смело назвать азиатской олимпиадой.

- И где же киргизы разместили столько людей?

- Такой же вопрос задали друг другу и устроители поминок, – рассмеялся Бек. – Посовещавшись, старейшины решили провести поминки в долине Каркыра, что недалеко от Иссык-Куля. Через нее проходило много небольших рек, что сняло проблему обеспечения гостей пресной водой. Со всем остальным накладок не предвиделось, ведь Кокетей был несказанно богат. Принимающая сторона обеспечивала всех едой, жильем, безопасностью. Также во время поминок разыгрывались призы.

- Золото и серебро?

- Не только. Вот пример, хозяину лошади, пришедшей первой к финишу, полагалось такое вознаграждение: восемьдесят тысяч лошадей, тысяча верблюдов, сто тысяч овец, а также девять тысяч коров, девяносто юрт, две рабыни и один раб.

- Ничего себе расщедрились! А второй и третьей что-то давали?

- Награждались хозяева первых шестидесяти лошадей, пришедших к финишу.

- И сколько же лошадей всего участвовало в скачке? – спросил Юрий.

- Тысяча! – ответил Бек.

- Вот прямо тысяча? Не девятьсот девяносто девять и не тысяче одна?

- Дотошный ты поэт. Уточняю для тебя. Накануне скачки состоялся отбор лошадей. Судьи допустили до скачек только тысячу.

- Судьи? А зачем они нужны-то?

- Чтобы следить за порядком и безопасностью на протяжении всего пути следования скачки. Они направляли лошадей по намеченному маршруту и следили за соблюдением правил. Ведь скачка длилась восемь дней, а скакуны прошли расстояние от Каспийского моря до берегов Иссык-Куля. Поэтому судьи были необходимы, более того, их было шесть тысяч.

- Ну и кто же победил?

- Манасов боевой конь по кличке Аккула. И далее почти во всех соревнованиях взяли верх киргизы. Киргизский силач Кошой в единоборстве победил калмыцкого богатыря Джолоя. В состязании на пиках Манас одолел Конгурбая. Было еще много славных соревнований, вот, например, как описывается в эпосе соревнование по стрельбе из лука:

«Тот Манас, который стоял,
 Ударил в золотой барабан.
 Стояли друг против друга (богатыри),
 Губительные луки, крашенные стрелы,
 Посмотришь, – вот чудеса!
 Стрелы наставили на тетиву,

Летят стрелы в цель.
 (А теперь) все они ушли (на тот свет).
 Непостоянен этот ложный мир!
 Храбрый богатырь Манас
 Еще раз ударил в барабан,
 Видевшие это иноверцы
 Рассудка лишились совсем,
 Стрелы из луков со свистом летят,
 Искусством (своим богатыри) все народы превзошли.
 Попали стрелы, (пущенные) из луков,
 В кисточки, нацепленные на шапки,
 И сорвали их.
 Видели, как стрелы, (пущенные) из луков, -
 Срезали все (до одной)
 Кисточки на шапках их^{xxviii}».

Одним словом, киргизы более чем убедительно продемонстрировали свою силу перед всеми собравшимися.

Удаль киргизов пришлась не по нраву Конгурбаю. Он искал повода для стычки с киргизами. По его приказу китайское войско, сопровождавшее высоких гостей на поминки по Кокетею, угоняет скот, предназначенный для призов, которые должны были быть вручены в следующие три дня.

Такого оскорбления устроители поминок не стерпели. Киргизские войска отправились за китайцами, нагнали и разбили их. Конгурбай был ранен Бокмуруном. Манас ранил богатыря Джолоя. Киргизская сторона взяла в плен китайского богатыря Нескара. Одним словом, поминки по Кокетею обострили обоюдную вражду.

14

Когда Леонард Линкс вновь приехал в Москву, толмач Бек Мурза пригласил своего друга в ресторан. Леонард специализировался в своем издательстве на русской литературе, язык знал хорошо, потому толмач Бек говорил с ним по-русски.

- Завелись деньги, можно и в ресторан сходить, - на ходу подшучивал Бек.

- Деньги – тлен! Если они есть, их надо тратить, - согласился Лео.

Не прошло и часа, а они уже заняли боковой стол ресторана ЦДЛ, за которым не было места третьему. Сразу по прибытию был сделан обильный заказ.

- Подвиги граждан должны быть достоянием нации, в противном случае они становятся унижением для неё же, - начал издалека Бек.

- Так-так, к чему ты клонишь, Бек? – мгновенно подхватил Леонард.

- Иллюстрацией моей мысли может служить история героев, разбивших полчища тюргешей, теленгитов, хунн и киби^{xxix}.

Леонард как всегда слушал друга с большим интересом.

- Эти славные воины были из рода Катаган. Один из них дожил до ста лет, и, по традиции, их подвиги должны были стать достоянием рода Сарбагыш.

- Что за традиция?

- Суть ее в том, что если человек прожил долгую и славную жизнь, то его судьба хранилась в веках, а сам он пользовался общенародным уважением.

- Что-то вроде «заслуженного артиста» или «народного поэта»? - предположил Лео.

- Нет, тут иначе, – возразил Бек Мурза. – Подобного почета достойным людям удостаивал народ, а не представители власти. Для этого специально созывали Верховное собрание – Улуу кенеш...

Друзей уже слегка развезло от крепкой русской выпивки. Увлеченные разговором, они не заметили, как к их столику приблизилась полная немолодая женщина. Смотревшие

до этого друг на друга мужчины разом повернули головы, когда официантка придвинула к столу еще один стул со стороны зала. Около них стояла поэтесса Мария Танк.

Танк была родом из Сибири. По призыву комсомола она провела несколько лет на строительстве БАМа, а когда столица признала её стихи патриотическими по духу и коммунистическими по содержанию, она перебралась в Москву. Мария быстро нащупала нужные нити в паутине столичной жизни и очень скоро стала одним из руководителей писательской организации. В достижении своих целей она не гнушалась ничем. Сомнительная репутация в глазах писателей ничуть не заботила ее, слухи о том, что она имеет связи с комитетчиками, работали лучше любых достойных дел. Танк боялись и недолюбливали.

- Кого я вижу в моем доме? – нарочито громко воскликнула она. – Леонард, я рада лицезреть тебя здесь! Какими судьбами?

- Спасибо, Марьям – ответил Лео, привстав с места. – В Москве я проездом. Познакомьтесь, это мой друг, Бек.

- Внимание! – обратилась Танк к залу, проигнорировав слова Леонарда. Несколько человек привстали со своих мест и, поклонившись, приветствовали её. – Давайте поаплодируем нашему немецкому другу. Он издает наших писателей!

В большом зале ресторана ЦДЛ раздались натужные аплодисменты. К ним присоединился и Бек Мурза. За это время официантка принесла набор столовых приборов и спросила:

- Что будете, Мария Ивановна?

- Бутылку «Столичной» и не открывайте, - командным тоном ответила Танк.

- Мария Ивановна, я заплачу, - сказал Бек Мурза. – Заказывайте, что желаете.

- А ты кто такой, черт возьми! – неожиданно обрушилась женщина на Бека.

- Как кто? – сконфузился он. – Я – человек.

- Ты человек?! – скривилась в гримасе поэтесса. – Чурки вы, а не люди! Как там на Чукотке?

- Бек - киргиз, - мягко вмешался Леонард Линкс. – Известный писатель. Мы издали несколько его произведений...

- Да уж, большой талант! Только как чучмека не воспитывай – чучмеком он и останется! Даже они сами себя не читают.

- Я горжусь, что родился киргизом! – твердым голосом ответил Бек Мурза.

- На здоровье, кто возражает. Только от тебя мне ничего не надо! Все благо идет от нас, русских. Если бы не мы, то все вы: киргизы, чукчи и прочая мелкота - все бы давно вымерли.

- У него замечательные произведения, - вновь попытался вклиниться Леонард. - О своей нации рассказывает.

- Лео, ты же белый человек. Зачем тебе это нужно? – развернулась к немцу Танк. – Не будь нас, не было бы и их. - Обрубила она, после, отвернувшись к залу, громко добавила. – Но им ведь мало. Они плодятся вокруг нас, занимают наши места, отбивают наших жён, мужей, а теперь и наших гостей...

- Не переходим ли мы границу приличия? - вновь возразил Лео, подкрепив свои слова привычным кротким смехом.

Он не успел договорить, как поэтесса уже набросилась на официантку:

- Что ж ты початую бутылку принесла?! – сказала она. – Просила же - не открывать!

- Мария Ивановна, бог с вами, отсюда ни грамма не отлито. У нас принято бутылку подавать на стол в открытом виде, - ответила официантка.

- А кто поручится, что не разбавили?

Подошла метрдотель, молча взяла бутылку водки со стола, и пошла в сторону буфета. За ней направилась и Танк. Посетители вернулись к еде, лишь изредка поглядывая в сторону стола Бека и Леонарда.

Бек Мурза, обескураженный появлением Танк, сник и пребывал в расстроенных чувствах. Такого рода вещей он на своем веку наслушался вдоволь, однако выходка поэтессы произошла в присутствии Лео, а потому особенно сильно задела его. Леонард понял душевное состояние друга и предложил вернуться к рассказу, чтобы отвлечь того от дурных мыслей:

- Бек, я бы хотел услышать продолжение твоей истории.

Приходя в себя, Бек молчал, а затем тряхнул головой и вернулся к истории:

- Столетний старец Доор прибыл пешим в селение рода Сарбагыш, где его встретили местные старейшины.

«Почтенный старец, кто вы, откуда путь держите? - спросили его.- Нас шестьдесят аксакалов, но вас никто не видал в этих краях».

«Я из рода Катаган! Пришел из ущелья южных гор, где жил с шести лет, - ответил старец Доор. – Раньше нас было больше, однако время не жалеет никого. Из моих сверстников уже нет живых никого, потому решил я исповедаться перед вами».

«Ваши родители живы?»

«Нет, их убили налетчики, когда я еще был ребенком».

«Как это случилось?»

«Однажды среди бела дня со стороны западных гор показался вихрь. Перед ним летели всадники, которые начали пускать стрелы в сторону нашего аила. Первая стрела, долетевшая до нашего двора, вонзилась в столб, установленный для привязи коней, и столб охватило пламя. Одновременно с этим в аиле поднялись крики женщин: «Каран кюн! О чёрный день!», и боевые кличи мужчин: «Катаган! Катаган! Катаган!», призыв - всех взяться за оружие, - Доор умолк, переводя дыхание.

«Продолжайте», - сказали старейшины рода Сарбагыш.

«Первым выбежал на улицу дядя, за ним отец, мать и её старшая сестра. Но они не прошли и нескольких шагов, как были убиты. Вокруг летело столько стрел, что казалось, будто в воздухе кишит саранча».

«У вас есть доказательства нашествия?»

Старец Доор, не проронив ни слова, обнажил левую руку до локтя. Она оказалась до локтя деревянной. Лишь показав ее всем аксакалам, Доор возобновил повествование:

«Я выбежал на улицу вслед за взрослыми, но тут же почувствовал сильный удар по руке и, спустя мгновение, обжигающую боль! Бросив взгляд на руку, я увидел торчавшую из запястья стрелу. Не в силах стоять на ногах от боли я рухнул на бок. В таком положении один из вражеских воинов вскоре притащил меня к их главному».

«Чье это копытце?» - спросил главарь.

«Я сын Кары», - ответил я, преодолевая боль.

«Кто из твоих родственников еще жив?»

«Кроме меня никого не осталось».

«Отпусти его, пусть видит свое солнце. А стрелу оставь», - сказал своему подопечному главарю и презрительно усмехнулся.

Враг вывел меня в один из дворов разоренного аила, а там неожиданно вытащил саблю и с размаху рубанул меня по раненой руке! Половина руки вместе со стрелой отлетела в сторону, а я с криком рухнул наземь...

«Достаточно! - остановил его Куу туяк, самый старший из всего совета. – Кто напал на ваши владения, уж не карлуки ли с тюргешами?»

«Это были воины хуннов и киби».

Присутствующие на собрании мужи сразу притихли. Удивленный старец Куу туяк, окинув гостя взглядом с ног до головы, произнес:

«Милостивый Доор, сдается мне, что я вам в сыновья гожусь! Я нынче тут старше всех, а с этого момента вы можете считать меня своим братом. Прошу прощения, я во

время беседы допустил невежливый вопрос. Это мы, Сарбагыши, совершали набеги на басмаалы, тюргешей и карлуков^{xxx}, в ответ на их разбойные нападения».

«Это был не единственный случай, когда я врага видел вблизи, - продолжил Доор. - Я был среди тех, кто ходил на Хангайские горы войной на долонга-теленгитов, сыбызгы эли, тунгара, бугу, уйгуров, баягы-байыркы эли».

«Почтенный старец, не случилось ли вам бывать в Ордосе?» - спросил Куу туяк.

«Да, когда мы ответили хуннам и киби на оскорбление, то заглянули и туда. Правда, прошли мы севернее самой крепости. В том походе я участвовал еще в молодости».

«Мне же по воле Тенгри в год лошади пришлось отражать атаки потомков хуннов - племени шато^{xxxi}, - ответил старец Куу туяк. - Мы убили много сыновей Шато, пленили их женщин. Брат мой, Доор, родившийся в год дракона, хорошо, что ты надумал прийти к нам. Остайся с нами, мы всегда будем готовы выслушать твои мудрые слова».

Бек уже немного отошел от неприятного эпизода с поэтессой Танк, чему поспособствовало немалое количество алкоголя. Подошла очередь фирменных блюд, каковыми в ресторане Дома литераторов были котлеты по-киевски и уха по-царски. Бек аккуратно отрезал кусок белой курятины и, отправив ее в рот, вслух предался размышлениям:

- Раньше киргизов особо радовало, оказывается, как рождение ребенка, так и смерть старца. В первом случае любой мог сообщить о событии словами: «Радуйся!» За известие о новорожденном ему делали хороший подарок. Такая традиция сохранилась до наших дней с той лишь разницей, что теперь все это происходит в кругу семьи.

- А почему радовались, когда умирал старый киргиз? - спросил немецкий друг.

- В древности у киргизов умереть своей смертью особо ценилось. Если человек доживал до старости, значит, у него жизнь сложилась нормально. Враги дали ему дожить до естественной смерти. Одним словом, у древних киргизов живучесть равнялась совершению подвига. О таких говорили, это киргиз, сумевший сохранить себя до глубокой старости, тем самым сохранил всех киргизов!

- Разве? - усомнился Леонард. - В другой книге ты же пишешь, что киргизы восклицают: «Родился - умер!»

- Да, потому что киргизы понимали, человек родился, и уже на пути к своей смерти. Отсюда такая фраза. Но за этой фразой есть другое поверье, в том, что каждый человек на своем жизненном пути якобы сорок раз встречается со смертью, и лишь на сорок первый раз она забирает его.

- Похоже, что сегодня состоялась одна из таких встреч? - подхватил Леонард и рассмеялся. - А смерть, оказывается, довольно привередлива, не любит, когда водку разбавляют! Сознайся, Бек, не будь здесь меня, ты бы тут натворил дел?

- Боюсь, что она разобьется как ваза, если на нее прикрикнуть! - через смех ответил Бек Мурза.

- Как ночная ваза! - поправил немец Бека и вновь разразился смехом.

- Да уж, вони ей не занимать! - усмехнулся киргизский переводчик.

- Поминки по Кокетею обрушили и без того хрупкий мир между киргизами и китайцами, - начал свой рассказ студент Мурза. - Манас решил нанести упреждающий удар, не дожидаясь реализации планов врага. С другой стороны, в эпосе сказано, что к «Великому походу» Манаса подтолкнул заговор шести ханов против его власти.

- Почему столько ханов сразу? - с привычной дотошностью спросил студент Уста.

- Ханств тогда у киргизов развелось, как сейчас губернаторов в России. Или как в советское время - первых секретарей райкомов, обкомов. Тринадцать из них выказывали

свое недовольство поведением Манаса, который во время поминок по Кокетею оказал на них давление.

- Погоди-ка! Речь ведь шла о шести ханах?

- Юра, дослушай меня. Тринадцать ханов пришли жаловаться на поведение Манаса аксакалу Кошою. Семь ханов Кошой сумел отговорить от их мятежных планов, остальные же решили отстаивать свои права до конца, и пошли против воли великого Манаса.

- Ясное дело, богатырь их обезглавил, и дело с концом.

- Типун тебе на язык! – одернул однокурсника Бек. – Неписанные законы военной демократии не позволяли устраивать междоусобицы перед лицом общего врага. Ты что же, думаешь, если он богатырь, то будет всем, кто с ним не согласен, сечь головы? Напротив, Манас использовал их задор с пользой, направив его на врага! Он предложил всем шести ханам быть союзниками в борьбе с Китаем. Польщённые вниманием великого богатыря и смущенные его устрашающим внешним видом, они принимают предложение.

- Еще бы они не приняли! Как они вшестером собирались меряться силами с войском Манаса?

- Ханы прибыли на малую родину Манаса не одни, а с многотысячными армиями.

- А разве не все киргизские войска принадлежали Манасу?

- И да, и нет. Дело в том, что в каждой долине было собственное население. Во главе этих людей стоял наделенный богатырскими данными и справедливый лидер. Такого человека объявляли сами жители и доверяли ему возглавлять общину.

- Нет, тогда их сравнивать с советскими обкомами, райкомами нельзя. Во-первых, у тех не было своей армии, во-вторых, их назначала центральная власть.

- Зато и там, и там центральную власть избирает народ, - перебил его Бек Мурза. – Хочу заметить, что каждый хан был наделен правом автономного правления. Об этом свидетельствует тот факт, что союзнический договор с Манасом был заключен в письменном виде, и каждый хан скрепил его собственной подписью и собственной печатью, как самостоятельный правитель.

- Скажи Бек, ты употребил слово «Бейджин», что это означает?

- Это более верная и древняя версия названия Пекина, - ответил Бек Мурза. – Столицу КНР и сегодня киргизы называют Бейджин, как и сами китайцы. Однако у советских исследователей эпоса существует и иная версия: под этим названием кроется «древняя столица Уйгурии, которая первоначально называлась Бейтину, а впоследствии она стала Бешбалыком». Существует также версия, что Бейджин – один из главных городов династии Цинь – Бэ-цзин.

- Вот как? Хочешь, я вычислю, когда Манас пошел в «Великий поход»?

- Я понял, ты хочешь взять за основу версию со столицей уйгуров и возраст династии Цинь у китайцев. Однако это лишь одна из многих версий.

- Ладно, Бек, завязывай, - сказал Юрий Уста. – Через пару минут появится Пospelов и прочтет нам строки Эсхила, Еврипида или Гомера...

- Эсхил! Гомер! – обиделся Бек. – Это можно в книге прочесть, а Манаса ты, где возьмёшь? Пойдем лучше в ЦДЛ. Вот сидят прилежные студенты, они законспектируют, а мы завтра перепишем.

До Центрального дома литераторов было два квартала. Студенты решили идти пешком. Как только завернули к Бульварному кольцу, Юрий спросил:

- Раз уговорил, значит рассказывай, что там было?

- Под Великим походом киргизы понимают главную военную кампанию Манаса, - начал Мурза. – У легендарного богатыря походов было множество, но «Великий поход» среди них определяющий. Об этом говорит и тот факт, что лишь лучшие манасчи могли полностью раскрыть этот эпизод, ведь именно здесь военные действия враждующих сторон приобретают воистину эпический размах.

- А кого ты считаешь самыми лучшими манасчи? – спросил Уста.

- Саякбай, Сагымбай, Балык...^{xxxii} - перечислил Бек. – Давай, не распыляться, одно дело сюжет великой поэмы, другое дело ее сказители. Согласись, это совершенно другой разговор.

- Ну что же, в поход так в поход, - согласился Юрий.

- Вопрос на засыпку. Вот войско собирается на войну. Как ты думаешь, что оно должно сделать перед тем, как отправиться в путь?

- Я еще молод, на войне не был, - ответил Юрий.

- Ну и что же, я тоже молод. Неужели ты не слышал, что воины самых разных народов перед битвой заходили в свои храмы, чтобы получить напутствие?

- Черт, вылетело из головы! Действительно, ведь и на западе у солдат есть такой обычай. Даже религиозные чины есть в армейских частях.

- В эпосе все необычной. Манас идет не в храм, а к жене! Эта традиция зародилась у киргизов еще до прихода мусульманства. Да и не только у киргизов, вспомни уход на Запад Атиллы, традиции династии фараонов, Одиссея в конце концов.

- Аналоги аналогами, но почему бы ему не сходить к родителям?

- По версии философа Николая Фёдорова, «отец и сын – это конец и начало». Мне кажется, почитания старших у киргизов тогда еще не было. Институт «аксакалов» появился гораздо позже эпоса «Манас».

- Еще немного и ты приступишь к главе «Исторического материализма», - недовольно заметил Юрий Уста. – Что там дальше?

- Каныкей преподносит мужу и его сорока чоро доспехи и снаряжение.

- И все? Это не жена богатыря, а начальница интендантской службы.

- Дело в том, что Каныкей и сорок избранниц чоро изготовили все это сами. Но главное поручение она дает Алмамбету, наказывая ему следить за Манасом:

«Если будет бесчисленное множество врагов,
Если будет (там) высокая заснеженная гора,
Если множество врагов кинется на вас,
Если тяжело придется отважному тюре,
Если будет (там) бурная, большая река,
Если поднимется сильный шум,
Если будут развеиваться знамена (там),
Если рядом (с Манасом) не окажется никто,
Если тюре в окружение попадет –
Знаешь ведь ты сам, что он одинок, -
Думаю, если вспомнишь эти мои слова,
То под пули подставишь себя,
Именно ты окажешь помощь ему,
Если кытайи, окружив, кинутся на него,
Надеюсь на отвагу твою, (Алмамбет)!^{xxxiii}»

- Плач Ярославны в плоти! - сказал Уста.

- Не согласен, Ярославна плачет по Игорю, когда тот в плену, а тут Манас еще только собирается в бой! – вставил Бек.

- Не придирайся.

- Далее Каныкей спрашивает Алмамбета: «Когда вернетесь?» Он отвечает: «Через девятнадцать месяцев».

- Ровно полтора года, - уточнил Юрий. - А почему она не спрашивает об этом у самого Манаса?

- Во-первых, Алмамбет верный друг Манаса. Во-вторых, перед дорогой войско киргизов избрало Алмамбета главнокомандующим. Его команды слушать должны все, включая и Манаса.

- Ничего себе! С какой радости его, а не Манаса?

- Дело в том, что китаец Алмамбет не мог сравниться с Манасом в бою, но военную тактику знал лучше.
 - Интернационализм в деле!
 - Как бы не так. Выделение в лидеры китайца задевает киргизов Сыргака и Чубака. Взбунтовавшись, они отказываются слушать его команды, а за ними мятеж поднимают и их войска. Чубак в гневе решает расправиться с Алмамбетом. Выходка Чубака сеет раздор в рядах армии киргизов и в конфликт вмешиваются Манас и Бакай. В их присутствии бунтари мирятся с Алмамбетом.

ⁱ Боорсок – печенье в виде жареных в масле кусочков теста разной формы.

ⁱⁱ Ножки Буша - поставляемую с 1990-х годов из США курятину в народе принято называть «ножками Буша».

ⁱⁱⁱ Семенники.

^{iv} Юдахин К. К. (1890-1975), языковед, составил «Киргизско-русский словарь».

^v Вы замужем?/кирг./

^{vi} Платонов А. П. (1899-1951) - русский советский писатель, по прямому указанию Сталина, подвергся травле. Последние годы своей жизни Платонов работал сторожем Литературного института в Москве.

^{vii} Манас. - Фрунзе, Кыргызмамбас, 1958. С.1.

^{viii} Манас. Книга 1. - М., Наука, 1984. С.512.

^{ix} РЭС - М., 2001. С.1004.

^x Валиханов Ч. Очерки Джунгарии. Записки императорского русского географического общества. Книжка первая. Спб., 1861. Кн. 1-2. С.51.

^{xi} Бичурин Н. (Иакинф) (1777-1853) - русский китаевед, 14 лет возглавлял духовную миссию в Пекине, переводчик в Министерстве иностранных дел России. Основные работы - по истории и этнографии монголо - и тюркоязычных народов (по китайским источникам), истории, культуре и философии Китая.

^{xii} Ордо – увлекательная игра в альчики у взрослых киргизов, воспроизводящая бой за захват ханской ставки.

^{xiii} Манас. Книга 1.- М., Наука, 1984. С.369.

^{xiv} Чоро - В эпосе сорок чоро представляют интересы всего народа, поскольку Манас является сам защитником и покровителем народа. Кырк чоро – дружинники Манаса – это обобщенный символ, означающий единение сорока племен, составляющих народ киргизов.

^{xv} Манас. Книга 2. – М., Наука, 1988. С.345.

^{xvi} Там же. С.396.

^{xvii} Гумилев Л. Древние Тюрки. - М., «Клышников - Комаров и К», 1993. С.320.

^{xviii} Бичурин Н. Собрание сведений... Т.1. М. - Л., 1950. С.241.

^{xix} Обычай в старом быту. Когда в аиле спички были редкостью, соседи брали друг у друга огонь для поджига.

^{xx} Киргизско-русский словарь. - М., 1965. С.699.

^{xxi} Основные законы рода Карга: «Кто много: народ или ты?»,

«Чем бездельничать, лучше даром работать»,

«Чем быть главарем плохих людей, лучше быть коннохом хороших людей»,

«На зло добром ответишь – ты молодец!»,

«В хорошем аиле силен и раб, в плохом аиле и воин слаб»,

«Если мы себя самих не знаем, как же мы людей других узнаем?»,

«Когда вокруг тебя враги – не жизнь, а честь побереги»,

«Слаб ты – будь, храбр, пусть враг убоится» и др.

^{xxii} Чанач – бурдюк из снятой чулком и прокопченной козлиной шкуры. Употребляется главным образом как сосуд для кумыса, хранят в нем и сыпучие вещества.

^{xxiii} Жамбы (*уст.*) – слитки серебра различной формы и различного веса, употреблявшиеся в старое время в качестве валюты.

^{xxiv} Манас. Книга 1. - М., Наука, 1984. С.451.

^{xxv} Манас. Книга 2. - М., Наука, 1988. С.619

^{xxvi} Нукер – (*в эпосе*) слуга богатыря. Нукер кыз - девушки в свите Санирабиги, будущей жены Манаса.

^{xxvii} Манас. Книга 3. - М., Наука, 1990. С.324.

^{xxviii} Там же. С. 386.

^{xxix} Гумилев Л. Древние тюрки.- М., «Клышников-Комаров и К», 1993. С.265.

^{xxx} Там же. С.265.

^{xxxi} Там же. С.265.

^{xxxii} Манас. Книга 1. - М., Наука, 1984. С.427.

^{xxxiii} Манас. Книга 4. - М., «Наследие», 1995. С. 464.